ПРОЕКТ «НЕМЕЗИДА»

БРЕНДАН РАЙХ

Молодежный психологический триллер

Брендан Райх

Проект «Немезида»

«Издательство АСТ»
2016

УДК 821.111(73)
ББК 84(7Сое)-44

Райх Б.

Проект «Немезида» / Б. Райх — «Издательство АСТ», 2016 — (Молодежный психологический триллер)

ISBN 978-5-17-107463-0

Каждые два года Мин убивают в день ее рождения. Через несколько часов она просыпается на поляне недалеко от родного городка в Айдахо. Ноа годами терзают ночные кошмары, и однажды он узнает, что вся его жизнь построена на лжи. А в это время к Земле летит огромный астероид…

УДК 821.111(73)
ББК 84(7Сое)-44

ISBN 978-5-17-107463-0

© Райх Б., 2016
© Издательство АСТ, 2016

Содержание

Пролог 6
Часть первая. Мин 8
Конец ознакомительного фрагмента. 61

Брендан Райх
Проект «Немезида»

Copyright © 2016 by Brendan Reichs
© А. Анастасьев, перевод на русский язык
© ООО «Издательство АСТ», 2021

* * *

Посвящается Эмили, которая верила

ВСТАЕТ СОЛНЦЕ – НО НЕ ДЛЯ МЕНЯ.
Я ПОМНЮ, ЧТО ЗА ДЕНЬ СЕГОДНЯ,
КОГДА ОН ЯВИТСЯ – РАНЬШЕ, ПОЗЖЕ?
МНЕ НЕВДОМЕК, НО ЭТО И НЕВАЖНО.
ОН ЯВИТСЯ.
И Я ТОГДА УМРУ.

Пролог

Воскресенье, 17 сентября 2017 года

Я сама себе поклялась, что не умру в этот день.

От решимости к отчаянию. Вверх-вниз.

Ну, давай уже, сволочь. Я сжимала в потных ладонях бейсбольную биту, не отводя глаз от двери в спальню. Он уже здесь, в трейлере – рановато на сей раз: первые косые лучи солнца едва выглянули из-за гор. Мама еще на работе. Я слышала, как что-то скрипнуло снаружи, на веранде, и сразу поняла, *кто* пришел.

Поняла, что я в западне.

В западне – *прямо здесь, в собственном доме.*

Паршивое начало дня.

Я не испытывала страха перед ним. Перед всем этим. Все это ушло.

Ярость во мне клокотала так, что я едва удерживала ее в узде.

Скрипнула половица.

Чтобы унять волнение и успокоиться, я сделала глубокий вдох и всем существом сосредоточилась на том, чтобы расслышать малейший шум за дверью. Дверь эта – не более чем хлипкий шаткий кусок старого металла – она и для трехлетнего ребенка не стала бы непреодолимой преградой. И этот *кусок* – единственное и последнее, что отделяет меня от чудовища, пришедшего забрать мою жизнь.

На некоторое время воцарилась тишина, затем – еще один приглушенный шаг. Я вся напряглась, до последней мышцы, готовясь к бою.

По моему передвижному (точнее, уже не особенно передвижному) паршивому жилищу на колесах бесшумно не прокрадешься; за шестнадцать лет жизни я неоднократно в этом убеждалась. И теперь точно знала, *где именно* он стоит. Даже – в какой позе и как распределен его вес. Знала, что видит перед собой этот человек, вперив взгляд в единственное убежище, за дверью которого могла я скрываться в этом ветхом обшарпанном доме на колесах.

Так что же он *медлит*? – гадаю я ожесточенно и в то же время перебираю в уме возможные варианты. Ждет, что я сама выйду к нему? Или думает, что я не догадываюсь о его присутствии?

Первый же выстрел вынес дверь, что называется, с мясом. Пуля прошла куда-то налево и вверх, но мне этого хватило, чтобы впасть в панику.

На сей раз у него есть пушка!

Я быстро присела на корточки, сознавая, как стремительно лишаюсь возможности спастись.

Окно!

Я ринулась к запачканному, в грязных разводах стеклянному прямоугольнику, расположенному как раз над моей односпальной кроватью.

Слишком быстро. Сначала я даже не почувствовала, как «захлопнулась западня».

Второй выстрел прошел через стенку шкафа, разорвал в клочья правое плечо и закрутил меня юлой.

Я буквально задохнулась от боли и, покачнувшись, опрокинула прикроватный столик.

Третья пуля разорвала мне грудь. Ноги задрожали, я повалилась на пол, судорожно хватая ртом воздух. Кровь сочилась у меня изо рта, а перед глазами кружили тусклые люминесцентные лампы на потолке. От боли все вокруг стало казаться красным.

Он явно ожидал, что я брошусь наутек. Я облегчила ему задачу. Шах и мат.

Остатки двери потихоньку отворились. Я лишь едва вздрогнула.

Вошел высокий худой мужчина с коротко стриженными угольно-черными волосами, зачесанными назад. Высокие скулы. Узкий, элегантно вылепленный нос. Все тот же черный костюм без отделки и украшений, что он носил всегда. Темные очки в серебряной оправе. Сверкающие черные ботинки. *Наверное, это его рабочая одежда,* – подумала я.

Его лицо, частично скрытое непроницаемыми стеклами очков, не выражало решительно ничего. Никаких эмоций.

Это меня всегда поражало: человек творит запредельно страшные дела, но ни малейшего их следа на его лице не остается.

Психопат. Вот он кто такой.

Человек в черном костюме застыл над моим несчастным, израненным, в клочья изорванным телом. Расправив плечи, он перезарядил оружие – начищенный до блеска пистолет – такой же черный, как костюм, он казался идеально плотно пригнанным к ладони стрелка. Ствол медленно поднялся.

– За что?! – прохрипела я. Сердце еще сильнее забилось в груди.

Так бывало уже не раз.

Все тот же вопрос. Всегда один и тот же.

– Извини, – сказал черный человек, нацелив дуло пистолета строго между моих глаз.

И ответ тот же. Он всегда извинялся.

Кричать и биться в истерике я не собиралась. Раньше такое бывало, и это никогда не производило на него никакого впечатления. Не удовлетворяло его. Молить о пощаде мне тоже приходилось, и я давно поняла – это столь же бесполезно.

Теперь я просто хотела получить ответ.

– За что? – нечленораздельно булькнула я кровью. Жидкость, горячая, липкая, заполняла рот и гортань. Дыра в груди горела, как будто туда сунули кусок солнечной материи.

Я знала, что ответа не будет. Ужасно медленно, напрягая все оставшиеся тающие силы, я подняла левую руку и, раскачивая ею так, что она напоминала иву на штормовом ветру, согнула в локте. Затем осторожно разогнула указательный палец и ткнула им в его ничего не выражающее, словно высеченное из камня лицо.

– Проваливай к чертям, – прошептала я, захлебываясь собственной кровью.

– Я уже давно *с ними*.

…Оглушительный звук выстрела, сразу за ним – второй.

Последние судороги. И все. Пустота.

Привет, смерть, вот и я. Давно не виделись.

Тьма окутала меня.

Часть первая. Мин

1

Понедельник, 18 сентября 2017 года

Мои веки дрогнули.

И еще раз.

Еще, еще и еще.

Над головой мелькали птицы, словно пытаясь бороться с восходящими потоками воздуха. Шумно втянув носом воздух, я уловила в общем непередаваемом букете вечнозеленых деревьев запахи черники и можжевельника. Сосновые иглы кололи мне спину.

Гортань заполнял кисловатый металлический привкус, словно я сосала монетки.

Боли – никакой. Никаких следов от ушибов. И ни печали, ни гнева…

Я ничего не чувствовала. Ровным счетом ничего. Разве что чуть тянуло в районе шрама на левом плече.

Все в точности как в прошлый раз. И как в позапрошлый. И во всех остальных.

Я лежала на лесной опушке. *Той самой* опушке, конечно, – скрытой от посторонних глаз плотным строем длиннохвойных сосен. Лежала на каменистом неровном склоне холма к северу от моего родного крошечного городка в штате Айдахо. Взглянув на небо, я убедилась, что сейчас раннее утро, но утро не того дня, что начинался раньше.

Вполне понимая всю бессмысленность этого занятия, я постаралась припомнить, как могла сюда попасть. Совершенно никаких зацепок, даже в самых потаенных глубинах памяти. Никаких сколь угодно туманных ощущений. Пустота. И в то же время перед внутренним взором – никакого «света в конце тоннеля», никакого чувства невесомости, полета или вознесения через облака к месту вечного упокоения, которое никак для меня не наступит.

Так случалось каждый раз. Я чувствовала страшную боль, умирала, а потом просыпалась.

Просыпалась здесь. Именно *здесь*. На этом месте.

– Нет, я не сошла с ума. *Не сошла!*

Мне нравилось произносить эту фразу вслух, как бы вызывая Вселенную на диспут по этому поводу.

Я с силой стукнула кулаком по лбу и встала, отряхивая листья и иголки с короткой копны черных волос. Распутала закрутившееся на сто узлов ожерелье. Проверить что либо по айфону было нельзя – ничего удивительного, ведь он там, дома, спокойно заряжается на прикроватном столике, где я же его и оставила. Так что осталось разгладить на себе джинсы с помятой нашивкой в форме буквы «Т» университета Бойсе[1] – в общем, то, в чем меня убили.

Крови не было. Никаких ран на теле. Отсутствовала кислая вонь, которая всегда остается от пота, вызванного паникой. Ни малейшего следа от полновесных пуль сорок пятого калибра, недавно растерзавших мое тело. Моя выцветшая поношенная одежонка выглядела точно так же, как всегда.

Меня бросило в дрожь, но не только от холода. Хотя и *правда* было холодно. Изо рта выплывали облачка пара и смешивались с клоками тумана, спускавшегося с гор. На нашей

[1] Государственный университет в городе Бойсе, столице штата Айдахо. *Здесь и далее прим. переводчика*.

высоте над уровнем моря осенние утра – не шутка. Удивительно, как я не замерзла до *еще одной* смерти, пока валялась здесь, открытая всем ветрам.

Я стучала зубами и фыркала совсем не по-девичьи, стараясь в то же время покрепче обнять себя насколько хватает рук.

Обидно было бы так погибнуть, верно?

А я ведь не бессмертная. Во всяком случае, мне так кажется. Я самым обычным образом вхожу в естественные возрастные фазы – даже несмотря на эту странную манеру гибнуть и возрождаться к жизни. Я также не привидение и не вампир – эти ребята ведь *не* умирают, пока действуют. По крайней мере, так мне рассказывали.

А я просто… перезагружаюсь. Открываю глаза. Поднимаюсь на ноги. И отправляюсь домой.

Если когда-нибудь наступит зомби-апокалипсис – добро пожаловать в мой городок.

Спрятанный высоко-высоко на Биттеррутском хребте Скалистых гор, городок Файр-Лейк[2], может и не самое уединенное место в США, но близко к тому. Несколько шагов к северу – и попадете в Канаду. В нашу долину (и, соответственно, *из* нее) ведет единственная дорога – через узкий двухполосный мост, перекинутый на высоте девяноста метров над Гуллетской расщелиной – одной из самых крутых речных расщелин в Айдахо.

Впрочем, публика валом валит сюда этим непростым маршрутом, ведь кругом – территория национального парка. Само по себе озеро притягивает туристов летом, ну, а зима отвечает лету лыжным бумом, так что без наплыва приезжих мы почти никогда не остаемся. Уже несколько популярных изданий объявили на своих страницах Файр-Лейк одним из самых прелестных курортных мест в Америке. И я не стану спорить.

Впрочем, в *то* распроклятое утро, когда пришлось сползать вниз с родных гор, мне было не до прелестей родного края. В голове стучала одна мысль: прошмыгнуть домой никем не замеченной.

До ближайших домов я добралась через десять минут. Там мне пришлось остановиться, чтоб затянуть шнурки на кроссовках. Кстати, были ли они на мне, когда в меня стреляли?.. Потом предстояло проскользнуть по парку, окаймлявшему городок с севера. Я спешила домой самыми потаенными тропинками, держась подальше от центра городка.

Мне вовсе не улыбалось рассказывать кому-то, что случилось. Детского опыта подобного рода хватило – я не хотела ни с кем объясняться. К тому же я замерзла, чувствовала себя разбитой, и очень хотела есть. И душ – полцарства за душ! Если все кончится внеплановым визитом к моему психиатру, это будет для меня кошмар и мука.

Маленькую голубую таблетку я уже принимала. Так сказать, по рекомендации, которую невозможно проигнорировать. В моей жизни не найдется события, которое нравилось бы мне меньше, чем эти визиты к улыбчивому доктору, в течение которых мы яростно пикировались, делая при этом вид, что так и надо, все идет нормально. По пятьдесят минут в неделю я яростно пыталась сохранить, так сказать, свои тайны в тайне, а он со всей своей профессиональной доброй проницательностью их из меня хотел вытянуть. Ужасно изнурительно.

Когда я была маленькой, доктор Лоуэлл мне просто не верил. Как, собственно, и все остальные, даже мама. Мои ужасные воспоминания считались «игрой беспокойного ума».

Ну и черт с ним. Я не спорила, ни слова не говорила поперек.

Добравшись до деловой части городка, я повернула на запад, к самому отвесному краю долины. Обычно полные шумной жизни кварталы сейчас казались покинутыми. Я бежала мимо крохотных очаровательных отелей – без всяких следов присутствия постояльцев. В боль-

[2] Fire Lake (*англ.*) – Огненное Озеро.

шинстве гостевых домиков ставни были закрыты и даже заперты на замки. Словно в заброшенном городе, давно оставленном жителями… Хоть и рано еще, а странно.

Но тут, вздрогнув всем телом, я вдруг вспомнила, что сегодня за день.

Эх ты, гени! Сегодня же должно прозвучать великое Сообщение! Так не из-за него ли все это?

18 сентября 2017 года. День самой долгожданной, самой важной пресс-конференции в истории. Этим вечером, сразу после заката (во временно́й зоне Скалистых гор), астероид 152660-ГР4 покинет гравитационное поле Юпитера, и, следовательно, можно будет четко определить его дальнейший путь.

И мы узнаем, уничтожит нас всех астероид Молот или нет.

Страх сжал сердце. До этого ворох моих собственных страхов и проблем успешно вытеснял из сознания те, что касались всех остальных на планете.

Я перешла пешеходный мостик и повернула направо, на Кворри-роуд, вновь идя вверх – к вершине горы. Вот я почти дома… Я знала, чувствовала, что времени прошло не много. Я была почти уверена, что сегодня понедельник, обыкновенный будний день, а значит – мне полагается идти в школу. Причем, надо торопиться. Дорога резко сворачивала вниз, за горный склон, и я свернула вместе с ней налево по гравийной дорожке, скрывшись из поля чьего бы то ни было зрения…

О романтической красоте Файр-Лейк часто пишут в рекламных брошюрах, но то место, где мы живем, там никогда не упоминается. Я торопливо вошла в ворота трейлерной стоянки «Роки-ридж», представлявшей собой хаотическое нагромождение жалких подержанных домов на колесах, ловко втиснутых в окружающий пейзаж так, чтобы их не было видно из других мест долины. Мы с матерью занимали унылую, почти обвалившуюся желтовато-персиковую конструкцию в дальнем углу.

Я старалась не привлекать внимания, пробираясь вдоль пыльных рядов трейлеров, но нескольких человек все же встретила. Сначала когда задела пару веревок для сушки белья, потом когда пришлось переступать через Фреда и Джо Уилсонов, распростертых в грязи у кострища. Причем перевернутое плетеное кресло Фреда лежало прямо у него на лице. Да и вообще «ранние пташки» уже копошились – поливали огороды, уговаривали собак сходить «по своим делам»… Но лишь некоторые скользнули по мне рассеянными взглядами, не более того.

Иначе у нас и не было принято.

Тут в любом взгляде, в любое время суток читалась невысказанная тревога. Люди передвигались скованно, почти как роботы, постоянно хмурились и морщили лбы так, словно даже самые элементарные бытовые дела давались им с таким трудом, какой они едва могли вынести. Я же, проходя мимо, от напряжения просто ощетинилась.

Да, все понятно, человечество находится на грани исчезновения. Эта страшная истина была мне известна. Если астероид Молот врежется в Землю, причем под любым углом, почти всему живому конец. Светопреставление может случиться в любой момент, и в течение ближайших часов мы узнаем, случилось ли оно. Но держать в голове сразу и *то*, и *другое* я была не в состоянии. Только не сейчас. Только не после случившегося утром в моей спальне.

Прости, дорогой мир. У меня своих забот хватает.

Приближаясь к двери, я слегка замедлила шаг. Около суток меня не было дома. Раньше, кто бы ни умирал, на целую ночь я никогда не «терялась». Мама давно привыкла к моим неожиданным исчезновениям и появлениям – такое поведение было мне свойственно, и я готовила его как раз для такой ситуации. Но на сей раз, кажется, перестаралась.

Ее, может, даже уже здесь нет.

Мама работала на кладбище посменно – разливала кофе за мизерную зарплату. Я вполне могла оказаться дома раньше нее, но вернуться на машине я ведь не могла. Машины у нас

было, как не было и нужды в ней. Я уж и не помню, когда мы в последний раз выбирались за пределы долины. Мама каждый день ходила в город пешком, как и я.

Прежде всего я исследовала веранду на предмет каких-нибудь знаков. Так. Дверная ручка в каких-то подтеках. На запачканном коврике у порога – влажные следы. Больше ничего вокруг трейлера моего бдительного внимания не привлекло.

И тут вдруг я почувствовала дрожь во всем теле – от макушки до пяток.

Человек в черном костюме – здесь. Он зашел и ждет, чтобы отнять мою жизнь.

Все, что я сейчас увидела, могло быть его рук (и ног) делом.

Сердце бешено забилось, и мне потребовалась пара минут, чтобы хоть как-то успокоиться. Затем, почувствовав непреодолимое отвращение ко всему вокруг, я ринулась вперед и настежь распахнула дверь с большим матово-стеклянным окном.

Она была дома.

Ее ключи на столике в «прихожей». Ее айпод, соединенный с парой динамиков на рабочем столе – наш, «реднековский»[3], вариант стереосистемы, – и из него в полумраке слышится голос Адель[4]. Телевизор выключен. Из противоположной части «комнаты» прямо мне в глаза мигает роутер. Я долго упрашивала ее, чтобы мы установили вай-фай, и в конце концов, на тринадцатилетие, я его получила. Нечетный день рождения, но он оказался таким спокойным, уютным – в общем, вышел он вовсе не «невезучим». Наоборот – одним из очень немногих счастливых в моей жизни.

Естественно, за интернет мы платить не стали. В долине было множество туристических баз. Некоторое количество краденых байт никто не заметил. Как правило, мы с мамой выкачивали свою толику из сети лыжного курорта, что сразу к востоку от нашего трейлера. Благодаря одному из друзей у нас даже имелся ворованный подпольный кабель.

Дверь к маме была закрыта. Я представила себе, как всего несколько минут назад она уютно устроилась в постели, страшно волнуясь обо мне, но и предвкушая долгожданный отдых после очередной изнурительной двенадцатичасовой смены.

Моя комната располагалась в другом конце дома на колесах. Я пробиралась через гостиную, морщась и чертыхаясь при каждом невольном скрипе. Присутствие духа меня больше не оставляло. Добравшись до своей двери, я задержалась на секунду, чтобы осмотреть ее. Никаких следов от пуль. Металлическая обшивка по краям тоже выглядела в точности так же, как прежде.

Я тихонько отворила дверь. За все то время, что мы здесь жили, дверные петли впервые *не* издали при этом ни единого звука.

Сердце подпрыгнуло в груди. Мне редко случалось совершать ошибки.

Все нормально. В комнате – идеальный порядок. Постель заправлена. Одежда аккуратно сложена. Туфли немного небрежно задвинуты под стол. Ковер чист как стеклышко. Никаких повреждений на дверце шкафа, на стенах или на полу.

Мое пятое убийство. Все следы стерты.

Словно ничего не случилось…

Вдруг по трейлеру разнесся какой-то глухой звук. *Проклятие*. Я резко сбросила все, что было на мне, и специально смяла одеяло в надежде, что мама подумает: я, скорее, встаю с кровати, чем только что вернулась.

С минуту я ждала, потом театрально зевнула, вновь распахнула свою дверь и поплелась к совмещенному санузлу. Долго плестись не пришлось – «гостиная» у нас всего шесть метров длиной.

---

[3] Rednecks (*англ.*), «красношеие» – собирательное название грубых и небогатых белых фермеров и охотников юга США. Сопоставимо с русским словом «быдло».

[4] Британская певица, автор-исполнитель и поэт.

Просевший захудалый диван, кресло хиппи[5], еще одно кресло – мамина старенькая качалка, а между ними кофейный столик, за который мы каждый день садились, чтобы поесть. Одна-единственная книжная полка. Торшер. Изношенная, исполосованная ножами кухонная стойка. Все это мы при необходимости могли упаковать и привести в нужное для переезда состояние за час, не больше. Хотя предпочли бы, наверное, просто бросить все это барахло здесь, никуда не увозя.

Пока я принимала душ, чистила зубы, проходилась гребнем по своим прямым черным волосам, едва доставававшим до подбородка, ее дверь оставалась закрытой. На минуту я замерла, глядя в зеркало. Оттуда на меня смотрел призрак моей мамы – такой, какой она была тридцать лет назад.

Я отвела взгляд. Есть на свете вещи, на которые не хочется смотреть.

Вернувшись к себе, я быстро переоделась во все чистое: джинсы, майку с «Ходячими мертвецами», носки, кроссовки и черную толстовку с капюшоном. В чем в чем, а в стремлении выглядеть модно меня бы никто не упрекнул. Я побросала книжки в рюкзак и стрелой припустила к входной двери. Городские власти решили на этой неделе еще оставить школы открытыми, и первый звонок должен был прозвучать через полчаса.

В ту самую секунду, когда моя ладонь легла на ручку входной двери, с металлическим лязгом отворилась мамина, и голова моей родительницы высунулась наружу. Одного взгляда было достаточно, чтобы понять: обмануть ее не удалось. В водянисто-серых маминых глазах так и булькали десятки вопросов, но она предпочла оставить их при себе.

– Обещай, что вернешься к Особому объявлению.

Мама была маленького роста, миниатюрная, как и я. Ее длинные, свалявшиеся кое-где волосы седели у корней. Бледная кожа туго обтягивала «птичью» фигурку. Тонкие губы казались еще тоньше сейчас, когда она хмурилась. Все в ней было каким-то слишком хрупким, слишком изношенным – моя мать походила на полевой цветок, которому никогда не доставалось достаточно влаги.

Я лишний раз сквозь зубы послала проклятие своему бесполезному отцу, который не платил алиментов, и которого я даже никогда не видела. Проклинать его сквозь зубы давно стало моей ежедневной привычкой – собственно, я делала это всякий раз, когда видела увядшее материнское лицо. Впрочем, я не забыла мысленно обругать и себя. Черт побери, я ничего на свете не хочу так, как наконец выбраться отсюда.

Если приложить максимум душевных усилий – вот как сейчас, например, – единственное, на что мне удавалось переключиться, так это брезгливость.

И разочарование. Как могла мама дойти до такого падения?

В груди пышным цветом цвел стыд. Не прикрытый ничем. Разливанный.

– Вернусь, вернусь.

Мама смотрела мне вслед неумолимо и неотступно:

– *Обещай мне это*, Мин. Я не знаю, где ты бываешь… И в свой день рождения вот тоже… Но…

Звук как бы замер у нее на губах. Ни она, ни я не хотели продолжать в этом духе.

Вдруг мамин голос обрел твердость, которая была свойственна ему много лет назад:

– Я хочу, чтобы мы были вместе, когда… Что бы ни случилось. Прошу тебя, Мелинда.

– Я буду дома, – повторила я. – Обещаю.

К этому моменту я одной ногой уже шагнула за порог.

Мама скорбно кивнула и снова скрылась в своей спальне размером с лифт, не больше.

Входная дверь захлопнулась за мной. Я поспешила вперед по аллее.

[5] Мешок для сидения, наполненный пластиковыми шариками.

2

Сегодня день моего рождения.

На мне розовое платье из тафты с лиловыми бантами. Ничего красивее я никогда в жизни не носила. Я без ума от этого платья. Мне хочется бесконечно танцевать вокруг зеркала в нашей ванной, но у мамы есть для меня сюрприз. Так что мы отправляемся вместе в путешествие на ярмарочную площадь на краю городка, как раз возле каньона. Мне это путешествие, конечно, кажется бесконечным.

Когда мы добираемся до места, ноги устали, но насколько же дорога того стоила!

Праздник. Настоящая вечеринка. Специально для МЕНЯ. Я вскрикиваю и попискиваю от удовольствия и нетерпения.

Мама подводит меня к садовому стульчику, куда уже привязан майларовый[6] воздушный шарик с большой цифрой 8. Пришли Томас и еще несколько ребят из нашей школы. Не все они – мои близкие друзья, но это не мамина вина. Про свое отношение к некоторым вещам я никогда не рассказываю маме. Только Томасу.

А на площадке творится Нечто Потрясающее. Маме удалось «вписать» мой личный праздник в общую канву карнавала, который проходит сейчас в городе. И передо мною проходят… Конные процессии, выполняющие диковинные трюки на ходу. А вот – пони. Господи, настоящий пони!

Уже сейчас можно с уверенностью сказать: это – лучший день в моей жизни.

Мама улыбается, смеется, раздавая направо и налево стаканчики с соком и одноразовые тарелочки с фруктами. Я рада видеть ее такой счастливой. Хотя мне сегодня исполнилось только восемь, я лучше всех знаю, что она не всегда такая. Просто по виду умею определять. Точно так же, как определяю: директор школы Майерс не любит, когда рассматривают его больную ногу, а Томас не любит разговоров о своих синяках.

Праздничный пирог. Подарки. Аттракцион чайных чашек. После него Томаса рвет за Палаткой для бросания колец, а я сторожу, чтоб никто не заметил. Но нам все равно очень весело. Потом Томас спешит обратно, чтобы где-нибудь добыть себе чистую рубашку, но я с ним не иду.

Из-за пони. ВОТ ОН, ПЕРЕДО МНОЙ. НАСТОЯЩИЙ ПОНИ!

Я стрелой подбегаю к бородатому мужчине, от которого пахнет кожей. Оказывается, пони зовут Принцессой. За секунду я успеваю влюбиться в нее без памяти. Очень хочется, чтобы пришла мама и сфотографировала нас вместе, но эту просьбу я приберегу на потом. У меня есть дело поважнее: надо уговорить маму купить Принцессу. А держать мы ее будем за нашим трейлером.

Ну, вот моя очередь кататься на Принцессе. Поездка закончилась ужасно быстро. Я соскальзываю с крутой спинки пони, прижимаю ее к себе за шею так, что едва не душу, и несусь назад к праздничному столу.

Вдруг появляется какой-то мужчина. Он идет прямо ко мне, и я в замешательстве останавливаюсь. Интересно, кто он такой? Кто-то из маминых друзей?

Мужчина смотрит на меня сверху вниз. На нем черный костюм, сверкающие ботинки, тоже черные, и темные очки.

Да-да, все правильно – оказывается, он мамин друг. А она меня как раз повсюду ищет.

И вдруг, словно из-под земли, из ниоткуда, – палочка сахарной ваты!

Вскрикивая от радости, я хватаю ее и сейчас же набиваю полный рот, а свободной рукой автоматически беру мужчину за руку. Тут он спотыкается, как бы наступив на собственную

[6] Майлар – торговая марка одного из видов синтетического волокна фирмы «Дюпон». В России обычно называется лавсан.

ногу, – ведь кроме покрытого росой ковра зеленой травки вокруг ничего нет, но я не смеюсь над его неловкостью. Тем временем наступают сумерки, и он ведет меня за руку куда-то по направлению к рощице у самого края каньона.

Губы и даже глаза у меня перемазаны сахарной ватой, но я не забываю спросить, куда же мы идем.

Оказывается, мы идем к маме. У нее для меня еще сюрприз, удивительнее прежнего.

Мы добираемся до рощицы, пробираемся через нее и оказываемся на краю большого оврага. Я смотрю вниз на быстро струящиеся по его дну ручьи. Никогда прежде мне не доводилось подходить так близко к краю.

Мужчина тяжело вздыхает, молчит. Я чувствую, как сильно он напряжен, и не понимаю почему.

– Что-то случилось? – спрашиваю я.

Он слегка отпускает мою ладошку.

– Прости меня.

Толчка я почти не чувствую и по-прежнему не понимаю, что происходит.

Я падаю бесшумно, ничего не задевая.

До того мига, когда всем телом врезаюсь в скалу.

Просыпаюсь я где-то в лесу. Кругом темно, я совсем одна.

Начинаю вспоминать.

Тот человек с ватой… Он столкнул меня вниз. Острая каменная глыба. Я начинаю плакать. Слезы струятся по щекам, пока я ощупываю плечи и ноги.

Но мне не больно. Даже платье не запачкалось.

Теперь я начинаю что есть мочи кричать – кричать в пустоту, туда, где в отдалении мерцают огни нашего городка, – вдруг кто-нибудь услышит и придет за мной сюда, на дно лощины. Наконец я встаю, нахожу тропинку, вскоре она переходит в широкую дорогу, по которой идет мужчина с йоркширским терьером на поводке. Глаза мужчины расширены, и он беспрестанно зовет кого-то по имени Гейл.

Вдруг меня заворачивают в одеяло. В глазах – мерцающие огни. Теплый напиток с маршмеллоу[7].

Ух ты, меня повезут на полицейской машине! До самого дома на стоянке трейлеров. Вот и мама. Видно, что она плакала, но теперь обнимает меня крепко-крепко, так что я едва могу дышать.

Со всех сторон сыплются вопросы. От мамы. От соседей. От офицера полиции. Затем появляется здоровенный мужчина с усами, и все как бы инстинктивно отходят в сторону. Сам шериф Уотсон в нашем трейлере – значит со мной произошло Нечто Серьезное. Он просит меня рассказать, что случилось, в мельчайших подробностях и как можно медленнее. От сладкой ваты до края ущелья.

Отовсюду раздаются вздохи и всхлипы, но тут же утихают. Я вижу испуганные глаза взрослых, но им же надо делать вид, что они ничуть не боятся, так что я буду стараться не замечать их. Лучше расскажу о том, как падала. Как тот мужчина толкнул меня в овраг, как скальные выступы неслись мимо меня и как потом все спуталось и скрылось во тьме.

Наступает тишина. Шериф Уотсон просит еще раз повторить последнюю часть рассказа.

Я снова начинаю рассказывать. Все говорю, и говорю, добавляю детали, хотя и знаю, что взрослых они точно огорчат. Сообщаю, как бродила одна в лесу в поисках тропинки. Как старалась «держать курс» на огни города.

---

[7] Американская сладость наподобие зефира.

Шериф Уотсон отворачивается и шепчет что-то остальным собравшимся. Собравшиеся кивают. Мама вдруг снова бросается ко мне и обнимает крепко-крепко, чуть не ломая мне ребра. «Ей нужно отдохнуть», – говорит она остальным. Я, дескать, получила травму – уж не знаю точно, что это значит. Люди опять кивают. Меня отправляют в постель.

И только когда мама подтыкает мне одеяло, я, наконец, задаю ей вопрос, который меня мучил больше всего: кто тот человек в черном костюме? Видела ли она его? Знает ли, кто он?

Мама вздрагивает еле-еле, почти неощутимо, но я чувствую. «Нет», – говорит она. Конечно же, нет. Это просто у меня разыгралось воображение. И целует меня крепко-крепко, прямо яростно, а из ее глаз катятся огромные слезы.

Мама говорит, чтобы я ничего не боялась. Что я в безопасности. Что сейчас мне в первую очередь надо выспаться. Электрический свет гаснет. Она закрывает за собой дверь.

Но я не сплю, не могу заснуть.

Мне всего восемь лет, но я умею различать, когда лгут, а когда говорят правду.

3

– Привет, Спящая красавица!

Моя голова дернулась так резко, что я чуть не упала. Пришлось ухватиться за столб, к которому я прислонялась. Неужели я задремала, пока ждала? Не может быть! Или все-таки может? Да и спала ли я хоть немного за последние сутки?

Ко мне приближался Томас Руссо по прозвищу Гвоздь – худощавый парень с непослушными черными вихрами и пронзительными голубыми глазами. На нем свитер с изображением Кикпанчера[8] и свободные штаны с большими карманами на бедрах. Лямки рюкзака защитного цвета охватывают плечи.

– Неважнецкий у тебя вид здесь, на холоде у ворот. – Гвоздь покачал головой. – Заняла бы лучше местечко у костра Уилсонов. Говорят, у этих ребят можно отлично перекантоваться.

– Пойдем, а то опоздаем, – проворчала я, подавляя зевок.

– Никому до этого нет дела, – усмехнулся он, обхватив себя руками и похлопывая ими, чтоб согреться. – Честно говоря, даже не знаю, многие ли из наших соизволят прийти.

Я оттолкнулась от столба.

– *На самом деле* никто ничего не знает. Пока не знает. И я сильно сомневаюсь, что директор Майерс вдруг научился расслабляться.

– Постой, постой! – Гвоздь перевесил рюкзак на грудь, дернул молнию и достал скомканный пакет, завернутый в выпуск воскресных комиксов. Встав на одно колено, он поднял этот весьма уродливый сверток над головой, словно средневековый рыцарь, приносящий присягу. – Прошу тебя принять сей символ моей бесконечной радости от того, что ты проживешь еще один, очередной год.

Я, наверное, побледнела, живот свело.

Проживешь еще год. Неужели правда?

Гвоздь поднял на меня взгляд и, конечно, заметил мое замешательство, а может быть, и понял его причину. Он быстро поднялся на ноги, покраснел и сунул сверток мне в руки:

– Прости, пожалуйста. Я искал тебя еще вчера, но…

Он смущенно умолк.

Гвоздь знал, как я ненавижу дни рождения. И знал, что при малейшей возможности предпочитаю проводить их в одиночестве.

Только не знал – почему.

---

[8] Kickpuncher – *букв.* «пинатель», популярный герой фанфиков.

Гвоздь был моим лучшим, незаменимым другом. Лишь его существование примиряло меня с жизнью в Файр-Лейк, если не считать природной красоты долины. Я не могла рисковать нашей дружбой, открыв ему правду. Не могла допустить, чтобы *и он* думал, что я чокнутая.

– Не надо было ничего покупать, – проворчала я. Каждый год я говорю ему эту фразу. И каждый год он все равно дарит мне что-нибудь.

Улыбка снова разлилась по лицу Гвоздя.

– Если тебе так будет спокойнее, то знай: я ничего и не покупал. Я украл.

Я принялась разворачивать газетную бумагу, и в процессе мои глаза все больше округлялись. Пробившись сквозь казавшиеся бесконечными слои клейкой ленты, я наконец добралась до небольшой картонной коробочки – она упала мне в ладони. Внутри оказались винтажные рей-бановские[9] очки. В серебряной оправе. Со светоотражающими линзами. Я тут же нацепила их на нос. Подошли как влитые…

В моем сознании немедленно возник навеки запечатленный образ. У *него* такие же.

Я тут же выбросила это из головы. Не дам мерзкой тени старого злобного ублюдка омрачать мою жизнь. Ну и что, что они похожи? Мне очень нравятся эти чертовы очки.

– Вот видишь, – возликовал Гвоздь и даже всплеснул руками. – Смотришься клево! Кто у нас теперь наикрутейшая королева красоты? Не кто иной, как Мелинда Джульярд Уилсон!

– Заткнись, дуралей. И не вздумай называть меня сегодня полным тройным именем, а то мама разозлится.

Кроме того, я и сама терпеть не могла своего второго имени. Это было единственное, что осталось мне от отца, – он настоял, чтобы меня назвали по имени престижной академии музыки и танца, находящейся на другом конце страны. Но я не умела танцевать. И выступать на сцене тоже. И петь. Я даже не играла ни на одном музыкальном инструменте. В общем, просто унизительный штрих, подаренный мне человеком, которого я никогда не видела.

– Что там Вирджиния выкинула на этот раз? – Гвоздь ловко стащил солнечные очки с моей переносицы. – Что-то произошло вчера? Ты нанесла оскорбление Исусу Кресту на вчерашней тусовке в честь твоего рождения?

– Нет, ничего, все в порядке. – Я резко повернулась и пошла к дороге. Ненавижу врать Гвоздю, а этот разговор как раз мог приобрести чрезвычайно опасное направление. Жаль, что именно сейчас я осталась без очков.

Гвоздь поспешил за мной.

– Да, правильно, надо двигать. – Он снова протянул мне подаренные очки и подтянул брюки. – Дорогие одноклассники просто растеряются и не будут знать, что делать, если к Особому объявлению опоздают и король, и королева класса. Просто обделаются, наверное.

Я фыркнула в ответ. Мы поднялись вверх до Кворри-роуд и зашагали по направлению к городу. Легкий ветерок короткими волнами гнал воду по озеру, сверкавшему сапфировой красотой посреди долины. Чтобы добраться до Лайбрари-авеню, нам пришлось миновать дюжину тихих окраинных кварталов и взять левее. Топография у нас в Файр-Лейк довольно незамысловатая. Городок еще не разросся настолько, чтобы для таких вещей понадобилась творческая мысль.

– НАСА в этом месяце совсем подорвала нам бизнес, – сказал Гвоздь, указывая на ряд пустующих кондоминиумов поблизости от яхтенной стоянки. – У моего старика совсем нет работы. Хоть бы пара-тройка туристов поселилась в наших кабинках.

– Понятно, все сейчас по домам сидят. Затаились. Путешествие в Файр-Лейк – последнее, что в такое время придет в голову.

Гвоздь всплеснул руками и драматически закатил глаза.

---

[9] Марка солнцезащитных очков «Ray-Ban», принадлежащая итальянской компании Luxottica Group.

– Господи, да ведь даже еженедельник «На открытом воздухе» признал нас лучшим местом для активного отдыха во всех Скалистых горах! На Земле не найти лучше места, чтобы прожить последние деньки!

– Люди бывают так глупы, верно?

– Не дай бог.

Гористая дорога, идущая вверх, к нашей школе, обычно занимает минут двадцать, если погода не дрянная. Но этим утром солнце ярко светило в прозрачно-голубых небесах, а температура не опускалась ниже тринадцати градусов тепла. Чудесный яркий день, если речь идет о горах на севере штата Айдахо. И казалось, что *все это* – розыгрыш.

Углубляясь дальше в город, мы обнаруживали все новые – и необычные – признаки запустения. Не работал светофор. В сточной канаве – полно мусора. Какой-то «Форд Эксплорер» стоял припаркованный двумя передними колесами на бордюре, причем под дворник была просунута записка: «Шериф, можете забрать его себе».

Я родилась в Файр-Лейк, я знала, чем он живет и дышит, мне были знакомы здесь все ходы и лазейки. Но ничего *подобного* никогда не видела. Во всем чувствовалось, что *что-то не так*. Фундаментально не так.

Из-за угла появился навороченный джип «ранглер», из которого истерически орала музыка. Сзади у него была приварена хромированная пирамида для винтовок. Машина неслась с открытым верхом, и трое парней, голых по пояс, свисали из нее во все стороны, как гроздья винограда.

– Проклятье, – удрученно вздохнул Гвоздь, когда машина скрылась в конце квартала. – Не подвезли нас! А я бы сегодня тоже с удовольствием развлекся – пострелял бы.

– Нет уж, я бы лучше поползла по-пластунски, куда бы мне ни было надо, чем попросила Итана меня подвезти.

Гвоздь покачал головой.

– Оставь ты уже моих парней в покое. На следующей неделе мы собираемся в поход. Это дело для настоящих братанов. Нарежемся, конечно, как свиньи. Подстрелим какую-нибудь зверушку и слопаем. Ну, и травку покурим. Отрыв по полной.

– Чудесно. Ну, а я проведу это время в спа с Джессикой и ее командой.

Именно Итан Флетчер дал моему другу это прозвище – Гвоздь, хотя вышло все не так, как он планировал. В шестом классе прикола ради близнецы Итан и Нолан прикрепили Томаса Руссо к доске объявлений за одежду при помощи чертежных кнопок. И оставили висеть, униженного и жалкого, до тех пор, пока его не обнаружил мистер Харди. На следующее же утро по всем коридорам и классам мальчишки стали дразнить его Кнопкой.

Слыша это, Томас тут же сделал «ход конем» и слегка изменил эту кличку – теперь не отзывался ни на какое имя, кроме Гвоздя. Это касалось и взрослых, и учителей, не говоря уже о школьниках. Даже во время урока. Так он стал Гвоздем окончательно и бесповоротно. Навсегда. Через какое-то время Итан попытался это изменить и вернуться к первоначальной кличке, но Гвоздь отказался, и за это снова был бит. Но не сдался. Камень мог бы поучиться у этого парня твердости и упорству.

– О, вот это я называю безнадегой, – прервал мои мысли Гвоздь, глядя на нашу с ним любимую кофейню «Вэлли-граундз». На входной двери висело нацарапанное от руки объявление: «ЗАКРЫТО ДО… ВОЛИ ГОСПОДНЕЙ».

Томас сразу как-то ссутулился.

– Вся эта свистопляска с концом света вызывает у меня желание вмешаться и сделать все по-другому. Вполне возможно, что всем нам предстоит в любую минуту погибнуть, но это вовсе не значит, что все оставшееся время я должен обходиться без кофеина. Лучше бы им всем поскорее вновь открыться, а то большого «бума по воле Господней», может, придется еще долго дожидаться.

Я знала, что он просто валяет дурака. Но мне стало не по себе.

О следующем месяце можно забыть. Господи, что будет завтра*, если дела окажутся так плохи?*

– Да, ты бы, наверное, предпочел действовать напрямую и подорвать самую, так сказать, основу, – попыталась отшутиться я. – И никаких больше экзаменов!

– Ну, а вот что будет лично с *нами*, а? – Гвоздь моргнул, взяв меня за руку. – Если Молоту суждено расплющить штат Айдахо, в последние минуты перед этим я хочу быть рядом с тобой, кататься с горок, как в беззаботном детстве. Какие чудесные воспоминания! Как две игривые капельки воды, двойные радуги на небе с…

– Не надо, замолчи! – Я осторожно погладила его по руке, высвобождая пальцы из его ладони. При этом в мое плечо вернулась застарелая тупая боль. Я тайком потерла шрам в форме полумесяца под рукавом. После каждого из «особых» дней рождения он всегда давал о себе знать.

Мысли стали мрачными, и голова наполнилась «кадрами» *того* нападения.

Возможно, мир и приближается к своему концу, но что *мне* до этого?

Мой мир рушится регулярно, каждый год.

Мы молча прошли мимо библиотеки и наконец добрались до школьного двора в конце улицы. В Файр-Лейк – это одна большая открытая территория для всех трех школ. Младшая и средняя выходят фасадами на улицу, а дальше, в тупике, – старшая, со стоянкой для машин.

Сейчас там было почти пусто.

– Говорил я тебе, – Гвоздь рассеянно провел рукой по синяку на подбородке (откуда у него эти синяки, я знала, но об *этом* мы тоже никогда не разговаривали), – что половина жителей этого дурацкого города, наверное, забилась под кровати. – Он нахмурился, шаркнув потрепанной кроссовкой по асфальту. – А может, они не такие уж дураки? Какого черта ходить в школу, если почти приговорен к смерти?

Я вздрогнула, Гвоздь неправильно истолковал это и обнял меня за плечи.

– Давай встретимся после школы? – Его ищущий взгляд наткнулся на мои новые очки. – Объявление можем посмотреть в баре «Случайные связи». Если в новостях покажут палец вверх – «помилованы», – то пара напитков за счет заведения нам обеспечена.

Я покачала головой.

– Я обещала маме, что в это время буду с ней дома. Она уже целую неделю не расстается с бабушкиной старой Библией – везде ее с собой носит. Ты же знаешь, как это с ней бывает. Вирджиния уверена, что Молот упадет прямо на нашу крышу.

– Но это и *вправду* зона основной астероидной угрозы, – мягко сказал Гвоздь, когда мы шли по школьной парковке. – Штат-Самоцвет[10] прямо-таки притягивает космические обломки. Наверное, они прекрасно будут себя тут чувствовать. Наши сожженные останки очень тепло поприветствуют их.

Я не удержалась и снова вздрогнула.

– В новостях Си-эн-эн его называют *убийцей планет* – прямо такой заголовок и дают на пол-экрана. Они там даже дурацкую такую гифку нарисовали, типа модели: как взрывается Земля. Какому идиоту захочется на это смотреть?! Причем, *где бы* на свете он ни упал, ДЛЯ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА ЭТО ОЗНАЧАЕТ КОНЕЦ!

Гвоздь широко раскинул руки, и на его губах заиграла тонкая улыбка. Руки, однако, как я заметила, у него слегка дрожали. Даже Гвоздю Руссо *приходилось* изображать стоическое спокойствие перед лицом гибели всего живого. Он напуган точно так же, как все остальные.

Все, кроме меня.

---

[10] Gem State (*англ.*) – неофициальное название штата Айдахо.

Я попыталась представить картину падения астероида. Я знала, что Молот летит из-за пределов нашей Солнечной системы и представляет собой смертоносный шар из углерода, никеля и железа. Двадцать километров в диаметре. Движется он с безумной скоростью в триста километров в секунду. Соприкосновение такого объекта с другим высвободит больше кинетической энергии, чем миллиард одновременно взорвавшихся водородных бомб. Впервые ученые засекли его три недели назад – он тогда миновал орбиты дальних планет нашей системы. В нас он должен был врезаться, или *чиркнуть* о нас собой, через месяц с небольшим.

Сначала вероятность этого события определялась как один к семи. Неделю спустя прогноз был пересмотрен в негативную сторону: два к пяти. И наконец, в самые последние дни кое-кто из независимых экспертов в интернете насчитал пятьдесят на пятьдесят, что довело общее напряжение, и так царившее в мире, до точки кипения.

Но наш маленький городок решил жить своей обычной жизнью, как всегда. Работали школы. Велся мелкий бизнес. Функционировали общественные службы. Городское начальство сунуло головы в песок и таким образом пригласило сограждан последовать их примеру. Как ни странно, многие так и сделали – даже я в их числе. Я думаю, жить, изображая для себя и для других, будто все хорошо, это удобнее и приятнее, чем принимать угрозу всерьез и постоянно думать о ней.

Лично я почти ничего не чувствовала. Мысль о разрушении мира падающим супербулыжником была для меня слишком абстрактной. Ровно сутки назад неизвестный мужчина на закате вломился в мой дом на колесах. Он выстрелил мне в плечо и в грудь, а потом еще дважды в голову.

Вот это случилось *по-настоящему. Такого* стоило бояться.

А каменные глыбы, сбившиеся, так сказать, с пути истинного? Я никак не могла быть с ними связана. Вероятно, это называется *синдромом отрицания* или что-то в этом роде.

– А что если нам встретиться потом, после Объявления? – Гвоздь никогда не принимал отказов. К этому времени мы уже добрались до аллеи на заднем дворе школы. Минута – и мы сольемся с толпой соучеников. – Что уж тут? Пан или пропал. Давай! Если новости окажутся паршивыми, мы можем забраться в старую шахтерскую хижину и обсудить, что бы такого красивого надеть напоследок, в порядке «церемонии гибели от межзвездного мусора». Составить списки того, что еще нам может понадобиться.

Я глубоко вздохнула. И кивнула.

– *Если* мне удастся улизнуть из дома.

– У нас будет свидание! – вскричал Гвоздь и понесся по дорожке, воздевая руки к небу и ликуя:

– Свидание! Свидание! Свидание перед концом света!

– Это будет не свидание, кретин! – крикнула я ему вслед. Но улыбнулась.

По крайней мере, у одного жителя Файр-Лейк есть сегодня чему радоваться.

4

До своего школьного шкафчика я добралась как раз перед звонком. Опустив голову как можно ниже и крепко скрестив руки на груди, пересекла нижний вестибюль. Меня ни при какой погоде не назовешь слишком общительной, но сегодня хотелось стать попросту невидимой.

Сообщу вам о себе один факт: я тяжело схожусь с людьми, и тем более завожу друзей. Возможность доверять человеку, по-моему, является непременной предпосылкой для длительных отношений, а у меня с этим обычно туго. Я редко что-либо кому-либо о себе рассказываю, и эта добровольная самоизоляция давно дала всходы.

Если честно, дело тут не только в моих повторяющихся убийствах. Я просто знаю, что смотрю на мир иначе, чем другие. Я обладаю способностью оставаться в стороне. А в Файр-Лейкской старшей школе доброжелательное отношение к чужим причудам всегда в большом дефиците, любое «не как у всех» немедленно выкидывает тебя на обочину.

Со временем мне стало вполне уютно в положении изгоя. Я им даже наслаждалась.

Поэтому, *конечно же,* я меньше всего в этот день хотела видеть людей, меня сразу окруживших.

– Привет, Мелинда, – крикнул мне Итан, развязной походкой идя по коридору в своей леттермановской[11] куртке. Коротко подстриженный блондин с красивым заостренным носом казался верхом совершенства до тех пор, пока вы не обнаруживали, какой он говнюк.

Его небольшой рот изогнулся в улыбке. Ему страшно нравилось называть меня полным именем – Мелинда, – потому что *мне* это страшно не нравилось. Вслед за ним следовала небольшая свита из приятелей.

Я пробежала глазами по их лицам, слегка задержавшись на каждом. Сам Итан. Сара Харден и ее лучшая подружка по группе поддержки спортивных команд Джессика Кейл. Близнецы Нолан, оба с шевелюрами цвета пожара. Ноа Ливингстон. Чарли Белл – шрамы, угри, прыщи и все такое. Тоби Альбертсон.

В общем, компания, которую я при всем снисхождении охарактеризовала бы как *Наихудший вариант*.

С Итаном мы знакомы с третьего класса, и никогда не ладили. Все остальные по отдельности были ребята ничего – все же, хочешь не хочешь, а нам с ними пришлось расти в общей щенячьей стае, – но, собравшись вместе, они превращались в жуткую ораву. Именно ей они в настоящий момент и являлись.

Итан наклонился и сложил руки на верхней планке соседнего с моим шкафчика. Остальные распределились в зависимости от степени интереса. Сара и Джессика едва на меня взглянули – они были слишком заняты нервной болтовней о последних слухах относительно Объявления. В неформальной школьной табели о рангах красоты они прочно занимали первое и второе места, и при случае каждая из них вполне могла всадить нож в сердце той, которая их обойдет.

Ноа слегка отклонился назад, просматривая что-то в своем телефоне. Он был красивым парнем: светло-русые волосы, зеленые глаза… В моем присутствии он редко открывал рот, как, впрочем, и без меня, судя по всему. Его отцу принадлежал лыжный курорт на северном склоне каньона. Он был самым богатым человеком в нашем городе. Остальные же четверо парней – Крис и Майк Ноланы, Чарли и Тоби – проявили ко мне исключительное внимание.

– Тебе от меня что-то нужно, Итан? – спросила я настолько дружелюбно, насколько смогла себя заставить.

– Просто пытаюсь оценить твое состояние перед Катастрофой. – Его ледяные голубые глаза сверкнули деланной заботой. – Как там, на стоянке трейлеров, готовы к встрече с Молотом?

При у поминании об астероиде по толпе школьников пронеслась невидимая волна. Словно в коридор влетел легкий, едва заметный юркий призрак страха. Я легко разглядела некоторые его признаки – признаки, на которые человек посторонний, скорее всего, не обратил бы внимания, но для меня они были виднее солнца в ясном небе. Крис Нолан слегка прикрыл глаза, его брат принялся переминаться с ноги на ногу. Костяшки пальцев Чарли побелели – так сильно он сжал учебник, который держал в руках. Сара запнулась на середине очеред-

[11] Letterman jackets (*англ.*) – спортивные куртки, которые носят учащиеся колледжей и университетов, выступающие в спортивных соревнованиях. Термин «Леттерман» (*букв.* «человек буквы») происходит из практики нашивать каждому участнику соревнования тканевую букву, которая указывает на принадлежность к определенному учебному заведению.

ной сплетни, и ее рука инстинктивно взметнулась, чтобы поправить прядь волос клубничного цвета.

– Мы готовы так же, как и все, – равнодушно ответила я, запирая шкафчик. – Тем более, раз не имеет значения, *где* эта штука упадет…

Тоби фыркнул. Крис кивнул, словно желая показать, что я попала в точку.

– А домики на колесах вообще не обладают никакой прочностью, – изрек очевидную истину Итан, поигрывая замком соседнего шкафчика. – Одно хорошо: если его расплющит, вы не много потеряете.

Меня бросило в краску. Я взглянула на Ноа, который хмуро посматривал на свои эппловские наручные часы. Не вмешивается, но и пальцем не шевелит, чтобы прийти мне на помощь…

Я отвела глаза. И что мне на него смотреть? Ноа – красавчик, высокий, крепкий, поджарый, сложен, как чемпион по плаванию, у него лучший автомобиль, прикид, и он ведет самый роскошный образ жизни в Файр-Лейк, но что толку? Ни в чем ни на чью сторону он никогда не становится. Даже интереса, по моим наблюдениям, не проявляет.

И все же что-то в нем меня вечно цепляет, не могу выкинуть его из головы. Может, то обстоятельство, что мы родились в один день? Или что-то засело во мне с тех пор, когда в младшей школе нас заставляли стоять рядом друг с другом и слушать, как другие дети поют дурацкую песню в честь дня рождения? Песню в честь дня, который я так люто ненавидела.

Старшая школа Файр-Лейк – единственная в городе, здесь учится всего двести двадцать учеников. Градации «сословного неравенства» проходили у нас в основном по линиям благосостояния и спорта. Хорошенькие девчонки становились чирлидершами – спортивными танцами подбадривали свою команду перед состязаниями и таким образом продвигались вверх по пути популярности. Родители четверти школьников нанимали на работу родителей остальных трех четвертей, и об этом, конечно, тоже никто не забывал. Все эти «трещины» образовывались в средней школе и уже не затягивались до самого выпуска.

– Спасибо за заботу, – спокойно сказала я, пытаясь пробиться наружу сквозь Итанову стаю. – Мне в самом деле никогда не приходило в голову, что трейлеры не оснащаются средствами защиты от падающих астероидов.

Итан снова улыбнулся мне вдогонку.

– С другой стороны, вы можете оперативно оттащить все имущество в какую-нибудь пещеру или что-нибудь в этом роде. Там оно имеет шансы на лучшую сохранность.

Эта шутка вызвала в его окружении несколько смешков, большего я в их глазах не стоила. Итан сжалился, повернулся ко мне спиной и позволил спокойно держать путь дальше по вестибюлю.

И тут вдруг сзади прогремел голос:

– Твоему-то дому, конечно, *ничто* не угрожает.

У дверей в класс, где должен был состояться первый урок, стоял Гвоздь. Итан метнул на него раздраженный взгляд.

– Естественно, угрожает, Кнопка.

Отцу Итана принадлежал единственный в городе продуктовый магазин в роскошной усадьбе «Хиллсайд-гарденс».

– Гвоздь! – я попыталась затолкать его в относительно безопасное пространство класса. – Не надо…

– Нет-нет! Думаю, ты неправ. – Гвоздь высвободился из моих цепких рук, и голос его стал вдруг таким зычным, что все находившиеся в вестибюле затихли. – Видишь ли, Господь любит дураков и пьяниц. Что касается твоего отца, то он щедро наделен обоими этими качествами. Так что дом Флетчеров непременно окажется самой безопасной тихой гаванью на планете.

Итан моргнул, его шея и щеки залились краской. Но лицо вдруг стало спокойным.

Сара закатила глаза. Джессика хихикнула, прикрыв ладошкой рот.

Тут зазвенел звонок и вывел всех из состояния оцепенения.

– Я еще доберусь до тебя, чувачок.

Гвоздь скользнул в глубину класса. Итан же остался тупо пялиться в пустоту, а потом перевел взгляд на меня так, словно я несла ответственность за все здесь произнесенное. Фирменная ухмылка снова заиграла на его лице:

– Скажи своему дружбану, что сегодня он крупно облажался.

Зайдя в класс, я поспешила прямо к Гвоздю, который спокойно выкладывал свои вещи на нашу с ним общую парту. Через некоторое время появились братья Нолан: Крис со своим причесоном «хвост по плечи» и Майк с жутким количеством геля на коротко стриженных рыжих волосах. Крис был болтуном каких мало и обожал при случае плеснуть масла в огонь любой перепалки, хотя сам не представлял собой ходячей катастрофы. Майк не любил много говорить.

Усаживаясь за свою парту, Крис усмехнулся и покачал головой.

– А у тебя есть яйца, парень. Тут ничего не скажешь. Но на твоем месте я бы сегодня пошел после школы другой дорогой.

– Спасибо, Майк, – отозвался Гвоздь, прекрасно сознавая, что разговаривает с другим из близнецов.

Крис громко фыркнул и дернул молнию своего рюкзака. Я услышала, как он пробормотал:

– Жить придурку надоело.

Я подкатилась к Гвоздю.

– Вот зачем ты так, а? Итан этого так не оставит.

Гвоздь копался в недрах своего рюкзака с совершенно невозмутимым видом.

– Да так, в голову взбрело. Что касается Итана, то пошел он в задницу, этот придурок. Может, в следующий раз подумает немного, прежде чем тявкать на людей.

– Вот уж о чем он теперь *точно* подумает, так это о том, как выбить из тебя дурь.

Гвоздь пожал плечами.

– Так не впервой же. Я попадал в переделки и похуже. – Его рука инстинктивно взметнулась к синяку на лице.

Мы оба помолчали. Вероятно, Гвоздь и вправду просто любил нарываться.

Я рассмеялась.

– Ты назвал его отца идиотом и пьяницей.

– Вот именно. – Гвоздь метнул на меня озорной взгляд. – *Здорово* его перекорежило, верно? Но Крис прав, лучше всего для меня сегодня было бы выкопать подземный тоннель отсюда до дома.

Урок английского прошел без сюрпризов. Но как только прозвенел звонок, Гвоздь понесся к двери со скоростью света. Следующий урок у нас должен был быть в кабинете прямо напротив, лезть на рожон все же было ни к чему. Я поспешила за ним, но по коридору эхом пронеслось мое имя:

– Мин Уайлдер!

Я взглянула налево. Из учительской медленно выплывал директор Майерс.

«Чудесно», – пробормотала я, пытаясь восстановить дыхание, пока бесстрашный вождь и полководец нашей школы приближался ко мне. Его правое колено не сгибалось из-за осколочного ранения во время первой Войны в Заливе. Я бы с радостью устремилась навстречу, чтобы сократить ему время ходьбы, но вся школа прекрасно знала, что никогда и ни при каких обстоятельствах нельзя обнаруживать осведомленности о директорском ранении. Во всяком случае, если вы не желаете получить в ответ двадцатиминутный рассказ о том, как мало его беспокоит эта пустяковая травма.

– Да, мистер Майерс?

– У тебя на сегодня назначена встреча с доктором Лоуэллом, – довольно сурово произнес этот здоровенный широкоплечий великан лет шестидесяти пяти, с круглым лицом, обрамленным секущимися на концах седыми волосами. Сегодня, как и всегда, на нем были серые брюки со стрелками и клетчатая рубашка. Опершись на трость, Майерс внимательно оглядел меня через бифокальные очки в металлической оправе.

– Да, сэр. Я знаю.

Взгляд директора стал еще суровее.

– Твое с ним индивидуальное занятие *не отменяется* из-за этой ерунды с Объявлением и… и… всего такого. Меня просили передать это тебе.

Из моей груди вырвался тяжелый вздох, который я не успела подавить.

– Да, мистер Майерс.

– В прошлые выходные у тебя был день рождения, не так ли?

От удивления я даже застыла.

– Да, был.

Осторожно! *С чего бы ему следить за такими вещами?..*

Майерс слегка наклонился, приблизив ко мне лицо и, казалось, ожидая от меня еще каких-то слов. *Не дождется*.

– Ну, что ж, – наконец сказал он и свободной от трости рукой почесал морщинистое ухо. – Хорошо. Не опаздывай.

– Постараюсь.

Директор меня отпустил, и я поспешила на второй урок.

Гвоздь уже сидел за партой, беззаботно вертя между пальцами ручку.

– Забавно вы выглядели. Чего от тебя хотел Великан?

– Просто напомнил, что мне сегодня к психиатру. Вполне дружелюбно. – Я плюхнулась на стул рядом с ним. Мы всегда старались садиться рядом.

– Дружелюбное напоминание от самого чертова директора. Ненавижу этот тесный городишко.

Я кивнула, внутренне беспокоясь больше, чем хотела показать. Майерс довольно часто проявлял интерес к моим терапевтическим «успехам» и не впервые исполнял просьбы доктора Лоуэлла напомнить мне о сеансе. Но связь между этими двумя почтенными персонами не была мне ясна. И почему директор спросил про день рождения?..

– Наверное, он потом и в колледж вместе с нами поступать будет, – предположил Гвоздь.

Старая шутка, но я все-таки усмехнулась. Эндрю Э. Майерс был, можно сказать, нашим пожизненным «персональным» директором – во всяком случае, он достиг нынешнего своего положения «нога в ногу» с классом, где мы учились. Поразительная скорость его карьерного роста означала, что лично надо мной, по крайней мере, никогда не будет другой «администрации», ведь все три школьных этапа он от меня не отставал.

Потом была биология. Испанский. Перерыв на обед. Гвоздь благоразумно решил воздержаться от посещения кафетерия, так что мне пришлось перекусывать в одиночестве. В столовой школьники разбились на несколько компашек, но в каждой перешептывались об одном и том же – об Объявлении. И, конечно, прямо-таки соревновались в том, кто покажет меньше деланного беспокойства и больше равнодушия по этому поводу.

Но вскрики и смешки были непривычно гулкими, и всех выдавали дрожащие конечности вкупе с сухими ладонями.

После полудня дело пошло хуже, чем утром.

На углубленном курсе алгебры мистер Фьюмо дал контрольную по материалу, который мы проходили неделю назад, а сам беспрерывно проверял свой мобильный и нервно смотрел на часы. На седьмом уроке миссис Кэмерон все время запиналась, теряла нить мысли и повто-

рялась. В третий раз безуспешно попытавшись рассказать нам об осаде Аккры[12], она наконец сдалась и отпустила нас по домам.

Я с необычайной быстротой собрала вещи в надежде проскочить парковку незамеченной. Гвоздя я не видела с математики. В наших расписаниях расходились физкультура и ОБЖ, а уж на европейскую историю Томас и вовсе «клал с прибором», выбрав вместо нее из всего списка возможных предметов, представьте, домоводство.

Однако мои надежды на безопасное бегство рухнули. Выйдя из главного здания, я сразу услышала звонкий смех с другой стороны двора. Там, в углу, у стоянки, уже собралась небольшая толпа. *Черт!*

Я ринулась туда и локтями проложила себе дорогу сквозь кольцо зевак. Итан заломил за спину руку Гвоздя и теперь яростно возил его лицом по бетонному покрытию. Мой друг старался вывернуться, высвободиться из хватки противника, но тот был тяжелее как минимум фунтов на пятьдесят. Тоби и Крис наблюдали эту сцену, ухмыляясь, да еще и подзуживая Итана. А Джессика с командой делали вид, что хотели бы прекратить насилие. Сара смотрела перед собой совершенно бесстрастно – казалось, ей просто скучно. Ну а за пределами круга, прислонившись к столбу у пешеходной дорожки, с олимпийским спокойствием следил за происходящим Ноа. Чем сильнее сопротивлялся Гвоздь, тем шире разрасталась толпа зрителей.

– Итан, отпусти его! – заорала я.

Он поднял на меня взгляд и улыбнулся.

– А, Мелинда. Привет. Рад, что ты пришла. Гвоздь как раз собирался спеть нам «Дурную кровь»[13], и, право слово, ты должна это услышать.

Видя, что я смотрю на него, Гвоздь забился с нечеловеческой силой, дважды попытавшись сбросить с себя Итана. Глаза его сузились – мне много раз приходилось видеть, как они сужаются вот так, от ярости.

– Отпусти меня, мудак, сейчас же. Я дважды не повторяю!

– Отпустить? А то что? – пропел Итан нежным голосом. – Ты оскорбил мою семью, теперь у нас вражда. Вот и спой нам об этом – иного я не прошу. Все с удовольствием послушают, верно?

Со всех сторон послышался смех. На лицах собравшихся застыло хищное выражение, словно ждущее кровавой развязки невыносимого напряжения, скопившегося за сегодняшний день. От всего этого на душе стремительно становилось все дерьмовей.

Итан еще круче вывернул плечо Гвоздя, заставив того буквально взвыть от боли.

– Или, может быть, у тебя в запасе есть еще какие-нибудь смешные шутки, Томас? Я с удовольствием послушал бы. Или я перестарался и выжал их из тебя, как из лимона, а?

– Этому тебя мамочка в постели научила? – Гвоздь попытался лягнуть соперника. Промахнулся.

Из группы зрителей послышалось приглушенное «у-у-у-х». Крис Нолан издал смешок. Тоби заплясал на месте с гиканьем.

У Итана остекленели глаза.

Черт тебя дери, Гвоздь, что ты делаешь?

Я схватила Итана за руку. Почувствовала, как напрягаются под кожей мышцы. Он посмотрел вниз, на мою руку, потом снова вверх и часто-часто заморгал. На мгновение мне показалось, что он не узнает меня.

– Прекрати, забудь. Гвоздь сам не знает, что говорит, просто несет чушь. Как всегда.

---

[12] Осада Аккры – захват города Аккра египетскими мамлюками, выбившими оттуда крестоносцев. Аккра ныне находится в Израиле и называется Акко.

[13] Bad Blood (*букв.* «плохая кровь») – песня, записанная американской певицей Тейлор Свифт, где речь идет о вечной вражде и кровавой мести.

Итан покачал головой и сбросил мою руку. Потом повернул Гвоздя лицом к себе, схватил за ворот рубашки и подтащил ближе.

– Ты никогда ничего подобного больше не скажешь мне, Томас. Никогда в жизни.

– В зад меня поцелуй. – Голова Гвоздя вдруг дернулась вперед и врезалась лбом Итану в переносицу. Тот сразу ослабил хватку, Гвоздь причудливо изогнулся и оказался наконец на свободе.

Но убегать куда глаза глядят, идиот, не стал. Ко всеобщему изумлению, он прыгнул на Итана и изо всех сил размахнулся для удара.

О, черт тебя возьми, Гвоздь!

Итан инстинктивно заслонился локтем и изо всех сил треснул противника кулаком.

Из толпы донеслось еще более громкое «у-у-у-х».

Гвоздь грохнулся на землю, как курица без костей.

– Все! – заорала я и встала между Итаном и своим другом. – Хватит!

Несколько голосов посоветовали мне убираться подобру-поздорову. Крис и Тоби продолжали хохотать, подбадривая Итана возгласами типа «Кончай с ним!» и «Побеждает сильнейший!».

Отплевываясь и отхаркиваясь, Гвоздь сидя прислонился к столбу.

– Есть у тебя в запасе еще что-нибудь? – хрипло просвистел он, проводя тыльной стороной ладони вокруг рта и спокойно разглядывая красное пятно на своем кулаке. – Дерешься ты как девчонка. Как сучка.

– Не надо! – заорала я Итану, широко расставив руки. – Ты видишь, он лежит на земле. Ты победил!

Итан пристально посмотрел мне в глаза. Моргнул. Обошел меня и наступил ботинком на свободную руку Гвоздя и в этом положении присел на корточки. Гвоздь уже выл от боли.

– Ну что, готов спеть за Тейлор Свифт, Томас? Порадуй нас приятным голоском.

Мои ладони сами собой сжались в кулаки, и я уже собиралась совершить какую-нибудь глупость, но тут из-за круга зрителей донесся голос:

– Эй, Итан!

В раздражении Итан поднял голову и увидел Ноа, который стучал пальцем по циферблату наручных часов и указывал головой в сторону стоянки.

– Двигаем уже отсюда, чувак. Я страшно проголодался.

– Но Гвоздь еще не спел песенку.

В этот момент на другом конце двора открылась входная дверь школы.

На пороге появился директор Майерс.

– Что здесь происходит?

Зрителей нашей безобразной сцены тут же как ветром сдуло, причем Итан и компания исчезли вместе со всеми. За какие-то несколько секунд у парковки остались только я, Гвоздь и директор.

Доковыляв до нас, Майерс посмотрел на сидевшего на земле Гвоздя. На лбу его пролегли глубокие морщины.

– Ну что, сынок, опять откусил больше, чем смог прожевать?

– У меня просто отит. Воспаление среднего уха. – Гвоздь, покачиваясь, встал на ноги. – При такой инфекции часто падаешь.

– Кто это сделал? – резко спросил Майерс.

Гвоздь молчал, разглядывая кроссовки.

Майерс неопределенно хмыкнул и повернулся ко мне.

– Мисс Уайлдер, не угодно ли вам сообщить мне, кто это тут только что отметелил мистера Руссо? Хотя, конечно, держу пари, я и сам догадаюсь.

Я открыла рот, но тут же его закрыла. Это дело Гвоздя.

– Понятно. – Майерс снял очки и начал медленно протирать их носовым платком. – Что ж, в обычном случае такого рода мы все вместе сейчас отправились бы в мой кабинет и оставались там вплоть до того, как мне стала бы ясна полная картина инцидента, но сегодня, как известно, – необычный день. Если сегодня все кончится хорошо… Я хочу сказать, если новости, которые мы получим, будут хорошими… – директор раздраженно покачал головой, – …то мы вернемся к этому разговору завтра.

Майерс удостоил меня взглядом разочарованного в своем чаде родителя.

– Могу я надеяться, что раны мистера Руссо будут перевязаны и сам он получит достойный уход? Причем, это не отменит вашего сеанса у психиатра?

– Конечно!

Я бросилась собирать с земли наши вещи. Гвоздь с подчеркнутым достоинством отряхнул и разгладил одежду и, как мог, захромал к парковке. Майерс проводил нас долгим взглядом, развернулся и захромал назад.

У обочины я нагнала Гвоздя:

– Эй!

Он остановился, но не повернулся. Я положила руку ему на плечо. Почувствовала, как он напряжен, и, не обращая внимания на его реакцию, нежно, но твердо развернула его к себе лицом.

– И о чем ты только думал?

– Я подумал, что меня отмутузят в любом случае, так что вполне можно первым нанести удар.

– Ну, теперь эта миссия выполнена. Как твоя рука?

Морщась от боли, он согнул и разогнул пальцы.

– Кажется, нигде ничего не сломано. Но горит, как в огне. У тебя не завалялось где-нибудь адвила[14]?

Я порылась в рюкзаке и выудила оттуда лекарство и пачку салфеток. Гвоздь проглотил три таблетки, а я тем временем промокнула кровь вокруг его правого глаза, который уже начал опухать. Что касается его руки, то она превратилась в один сплошной отек. Итан наступил на нее после того, как встретился со мной взглядом. Значит, эта рука пострадала из-за меня.

Внутри меня что-то резко щелкнуло. Эта ухмылка Итана. Его обычная агрессия. Или, быть может, вчера случилось на одно убийство больше?

Поддерживая Гвоздя, я заметила в задней части парковки, в дюжине секций от следующей машины, «ранглер» Итана. Значит, они все убежали пешком, наверняка куда-нибудь в кафе на Мейн-стрит, а за машинами собираются вернуться, когда все уляжется.

Значит, мы здесь одни.

– А ну, за мной. – Я поспешила к джипу.

Гвоздь послушался, но на лице его отразилось недоумение.

– Куда? Зачем?

Еще раз убедившись в том, что горизонт чист и путь свободен, я залезла в машину и нажала кнопку открытия бензобака. Нагнувшись к пассажирскому сиденью, обнаружила на полу перед задним сиденьем промасленную тряпку и банку аэрозоля WD-40.

– Что ты делаешь? – прошипел Гвоздь. – Итан по-страшному любит эту машину. Возможно, даже физически.

– Не надо было ломать тебе руку. – Я разорвала тряпку на две части и набрызгала горючего аэрозоля на бóльшую из получившихся частей. Затем открутила крышку бака и сунула ее туда.

[14] Болеутоляющее и противовоспалительное средство.

У Гвоздя прямо-таки глаза на лоб полезли. Голова его спряталась глубоко внутрь капюшона, но и оттуда было видно, как они у него лихорадочно забегали.

– Черт побери, Мин! По-моему, это слишком.

– Ломать тебе пальцы – это тоже слишком. – Я сжала губы, со всей решительностью заглушив голос разума, громко вывший в голове. Затем на глаза мне попался коробок спичек, лежавший рядом с пепельницей в машине Итана. *Прямо как будто специально для меня все приготовил…*

По спине покатились бусинки пота. Я чиркнула спичкой и подожгла мéньший кусок ткани, остававшийся у меня в руках. Пропитанная маслом материя сразу вспыхнула. Языки оранжевого пламени поглощали ее, словно жадные пальцы. Аккуратно свернув пылающую тряпку, я сунула ее в бензобак прямо поверх первого куска.

Пффффф!

Гвоздь нервно раскачивался на пятках.

– Давай уже! Надо делать ноги!

– Только не слишком быстро. – Я разогнулась и спокойно, вразвалочку направилась по проходу между машинами. – Не надо привлекать к себе внимания.

– Не привлекать внимания. Да. Все верно. – Было видно, что он еле удерживается от того, чтобы засверкать пятками с олимпийской скоростью. – Внимание нам не нужно.

Итак. Тридцать шагов до пешеходной дорожки. Еще десять – до выхода с парковки. Прошло уже секунд тридцать, но ожидаемого эффекта не последовало. Когда мы переходили улицу, я уже начинала волноваться, что мой план не сработает, придется возвращаться назад, чтобы уничтожить улики.

Но вот он, резкий *БУМ*! Аж земля затряслась. Быстро взглянув через плечо, я разглядела вздымающийся над верхушками деревьев черный столб, а внизу, на асфальте – злобно пляшущие тени.

Гвоздь громко сглотнул.

– О, черт, ну и ну! На сей раз мы это сделали. Если Итан узнает, *кто…*

– Я почти надеюсь, что он *узнает*, – оборвала его я и развернулась в сторону разверзающегося на стоянке ада.

Вот вам, кстати, еще один интересный факт обо мне.

Я мало чего в жизни боюсь. После всего, что со мной случилось.

И прощаю я только то, что забываю.

Подтянув лямки рюкзаков – своего и Гвоздя – я спокойно повела друга вдоль по улице, хотя кровь пульсировала во мне со скоростью мили в минуту. Где-то вдалеке завыла полицейская сирена.

5

Я прижимаю к груди новенькую пони фирмы «Фэнси Фармз».

Покачиваю из стороны в сторону.

Я ее так люблю! Люблю пеструю, как шахматная доска, шерстку. Люблю ее густую черную гриву, мягкую, как настоящие волосы. Люблю изящный изгиб передней ноги – словно она готова прогарцевать через мои коленки и спрыгнуть с кровати.

Я назвала ее Душенькой. Чуть больше полуметра в холке, точная копия настоящей лошадки. Я всегда буду любить ее, холить и лелеять.

Сегодня мой десятый день рождения. Мы отмечаем его вдвоем с мамой, «запертые» в трейлере из-за бушующей грозы. Жуткие воспоминания двухлетней давности поблекли. Все считают, что это был просто дурной сон.

Подарки недорогие, но мне нравятся, и я рада каждому. Я знаю, что денег у нас мало. Об этом мне однажды после уроков рассказала Джессика. Но мне очень-очень хотелось игрушечную лошадку. Не такую детскую, как Мои Маленькие Пони,[15] *с которыми, если честно, я все еще играю. У меня их четыре. Мне хотелось лошадку, похожую на настоящую, но без роскошной конюшни за миллион долларов.*

И мама нашла точно такую, как я мечтала.

Мы с Душенькой скачем по комнате, пока мама печет праздничный пирог. Меня переполняет счастье. Все, что мне нужно, есть в нашем уютном трейлере. И зачем мне что-то другое, все эти штуки, о которых вечно трещат Сара и Джессика? Диадемы, наборы для накладных ногтей, раздельные купальники… Все это так глупо.

Я бы хотела, чтобы пришел Томас, но знаю, что заговаривать об этом нельзя. Когда я спросила маму, почему он не придет, по ее лицу пробежала тень. Что-то не так с его отцом. Ничего, завтра увидимся.

Гроза, кажется, затихает.

– Душенька, хочешь посмотреть, что там, на улице? – Я аккуратно поднимаю лошадку обеими руками и иду к выходу. Мама кричит мне, чтобы я не уходила далеко. Я обещаю, что не уйду.

Кое-кто высмеивает нас и нашу жизнь в трейлере, но я точно знаю, что Душенька не такая. Дорожки, усыпанные гравием, и ряды фургонов наверняка понравятся резвой лошадке.

Дождь перестал, но ветер все еще завывает и качает фонарь на столбе позади нашего парковочного места. Солнце уже село, кругом непроглядная тьма. Не слышно даже обычных звуков ночи – наверное, из-за грозы. Не стрекочут сверчки. Не чирикают птицы. Не слышно обычного лая койотов, вышедших на охоту. Мне вдруг расхотелось оставаться на улице, даже здесь, во дворике перед нашим трейлером.

И тут, словно в ответ на мои мысли – удар грома. И снова ливень из разверзшихся небес.

И прежде, чем я успеваю юркнуть обратно в трейлер, в луче фонаря возникает призрачная фигура. Она отбрасывают страшную тень, которая накрывает меня от макушки до пяток, и на несколько секунд я слепну.

Потом глаза привыкают, и я вижу его.

Человека в черном костюме. Вот он, стоит напротив меня под проливным дождем.

Кошмар двухлетней давности вспыхивает в памяти. Сахарная вата. Расщелина в долине. Долгий-долгий полет вниз. И этот человек выглядит совершенно так же, как в тот день.

Я вскрикиваю, но мой голос заглушает буря. Бросив Душеньку в грязь, я опрометью кидаюсь к нашей двери, но это чудовище проворнее меня. Так что мне приходится вихрем развернуться и нестись по размытой дождем дорожке, а потом вверх по узкой аллее между двумя соседними парковочными местами.

Прямо за мной по лужам шлепают тяжелые ботинки. Стараясь справиться с паникой, я сворачиваю, бегу вдоль заднего забора в надежде прошмыгнуть перед кабиной нашего трейлера и постучать в окно с другой стороны. Мама, наверное, уже волнуется, куда я запропастилась.

Молнии ножами пронзают чернильное небо.

Я застываю. Тот человек вырвался вперед и преградил мне путь. Я ныряю в редкие кусты у забора. Где-то здесь в сетке есть дыра. Мы с Томасом постоянно через нее шныряем.

Ветки трещат все ближе от того места, где я пробираюсь через заросли. Я чувствую, как преследователь напрягает все силы, чтобы добраться до меня, как продирается сквозь

[15] My Little Pony – пластиковые куклы пони, которые были разработаны Бонни Захерле и выпускаются корпорацией Hasbro с 1983 года.

колючие шипы кустарника. Проскользнув наконец на животе в дыру, я чувствую, как тысячи колючек царапают кожу.

Встаю на ноги, снова бегу, потом бросаюсь в затопленный овраг. И, не думая ни секунды о том, что будет дальше, скольжу вниз по многоводному в это время года ручью. Главное – спастись, остальное неважно.

Сзади раздается всплеск. Мимо проносится пригоршня гальки – словно ее швырнули мне в спину.

Он уже рядом и все приближается.

Я отчаянно цепляюсь пальцами за илистый берег, выбираюсь на сушу и опрометью кидаюсь в чащу леса сквозь паутину и колючие кусты. Но не проходит и минуты, как земля под ногами исчезает, и я лечу вперед по осыпающемуся склону, снова в бушующий ручей. Мне удается ухватиться за корень дерева и предотвратить падение, повиснув над обрывом. Посмотрев вниз, я вижу, как вода стремительно мчится по речным порогам.

Слышится шорох листьев. Я поднимаю взгляд. Человек в черном костюме смотрит на меня с утеса. По его щекам стекают крупные дождевые капли. Темно, но на нем все те же солнечные очки. Медленно и осторожно он спускается вниз и останавливается в паре метров от того места, где я цепляюсь за корень.

Испуганно всхлипываю. Все. Я в западне. Как такое могло повториться?

Черный человек пристально смотрит на меня. Дождевая вода пропитывает его деловой костюм. Лицо такое бледное, словно он – сама Смерть.

– Прости…

Блестящий черный ботинок с силой опускается на мои пальцы. Я взвизгиваю от боли. Левая рука разжимается, я теряю точку опоры. Я раскачиваюсь, едва удерживаясь от падения в белые буруны внизу.

– Пожалуйста! – молю я. – Не надо!

Он наступает на правую руку.

Трещат кости. Лечу. И вот я уже под водой, кувыркаюсь и кручусь, увлекаемая потоком. Вода заливает ноздри. Рот. Уши. Резкий удар в бок, и адская боль пронзает левое плечо. Рука безжизненно повисает. И все же я изо всех сил стремлюсь к поверхности, несмотря на боль, охватившую все тело.

Глоток воздуха.

Я стараюсь сопротивляться течению, а оно стремится унести меня все дальше от дома. Легкие горят. Перед глазами все плывет. Я вижу лишь вспышки молний и мерцание звезд. Невнятное дребезжание проникает в уши. Я уже не различаю собственных воплей.

…И вот, прежде чем услышать, я чувствую. Словно кости начинают вибрировать и дрожать. Затем возникает грохот, рокот, рев – как будто дракон рычит. Я изо всех сил пытаюсь удержаться на поверхности.

В десяти метрах вниз по течению воды не видно.

Не успев вскрикнуть, я переваливаюсь через стену водопада и пролетаю метров шесть до окруженной скалами запруды внизу. Перед глазами возникает что-то огромное и темное. Меня несет прямо на него, и сердце рвется на части.

Висок взрывается невыносимой болью.

Больше я ничего не вижу и не чувствую.

Я лежу на спине. В темноте. На лесной поляне. Той же самой, что и в прошлый раз, я уверена. Поднимаю левую руку. Внимательно осматриваю ее. Ни царапин, ни порезов, ни сломанных костей. Одежда на мне сухая и целая.

Всю дорогу домой я, не останавливаясь, бегу.

Наш трейлер окружен мигалками. Я кричу, зову маму. Взрослые выбегают мне навстречу.

Мама подхватывает меня, обнимает, ощупывает, чтобы убедиться, что я цела.

Это все та же ночь. Я вижу Душеньку в грязной луже и именно тогда начинаю плакать.

Меня расспрашивают. Я рассказываю правду. Маме. И Офицеру Как-его-там.

Шериф Уотсон приезжает позже. В гражданской одежде и на собственном «форде»-пикапе.

Когда я заканчиваю рассказ, все переглядываются. Атмосфера не такая, как в прошлый раз.

Шериф Уотсон звонит кому-то и уходит в свой пикап.

Минут через двадцать приезжает коротышка в твидовой куртке. Представляется доктором Лоуэллом. Он улыбается мне и говорит, что хочет побеседовать со мной о моем приключении. Если я не против.

Я пожимаю плечами, чувствуя себя в безопасности в маминых объятиях, и оттираю грязь с гривы и пушистой шерстки Душеньки. Смотрю на маму. Она медленно кивает и внимательно смотрит на незнакомца.

Да, конечно.

Доктор Лоуэлл спрашивает маму, можем ли мы побеседовать наедине – я и он? Мама колеблется, потом встает и оправляет юбку. Мы остаемся вдвоем. Он двигает кресло-качалку и садится напротив меня. Улыбается. Просит подробно рассказать все, что произошло сегодня вечером.

Я так и делаю. Начинаю настороженно, но вскоре речь льется сама, как исповедь. Доктор Лоуэлл улыбается и кивает, не перебивая. Мне нравится с ним говорить. Никогда не встречала никого, кто умел бы так хорошо слушать. Он не спрашивает, но я рассказываю ему и о предыдущем случае.

Я заканчиваю, и доктор хвалит меня за то, что я такая храбрая. Он абсолютно спокоен, и мне от этого не по себе – все-таки я рассказала ему столько ужасного. У доктора Лоуэлла, впрочем, на все есть ответы, но звучат они как… отрепетированные. И я замечаю, что, разговаривая, он пристально изучает меня.

И я понимаю, что он нравится мне все меньше и меньше.

Доктор Лоуэлл объясняет мне, что в действительности со мной случилось и почему.

Все, что со мной произошло, – это не по-настоящему. Просто у меня такая штука… диссоциативное расстройство, и именно оно заставляет меня верить, что произошло что-то ужасное, хотя на самом деле ничего этого не было.

Когда он заканчивает говорить, я просто киваю, не зная, что сказать. Я знаю, что мама хочет, чтобы мы с доктором пообщались, значит, придется ей подыграть. Потом доктор Лоуэлл опускает руку в карман и достает флакон без наклейки. Он вытряхивает на ладонь голубую таблетку. Держит ее так, чтобы мне было видно.

Это лекарство, объясняет он. Оно создано специально для таких, как ты. Если будешь принимать по одной такой таблетке каждый день, химические вещества, из которых она состоит, прогонят дурные мысли. Ты будешь их принимать?

Я долго смотрю на таблетку. Мне всего десять, но я понимаю, что это значит. Знаю теперь, о чем шептались взрослые. Никто мне не верит. Они думают, что я ненормальная.

Доктор Лоуэлл наклоняется ко мне. Мягко повторяет вопрос.

Буду ли я принимать таблетки?

Да, буду.

Но о том, что со мной происходит, больше никому не расскажу.

Никогда.

6

Я сидела в унылой приемной доктора Лоуэлла, листая старый номер «ЮС-Уикли».

Гвоздь ушел домой. После Объявления он обещал зайти ко мне в трейлер, что бы нам ни объявили. Я смотрела, как он спешит по тротуару, заглядывая во все переулки. Он все еще нервничал из-за того, что мы сделали с машиной Итана.

Теперь я едва могла в это поверить.

Теперь, через час после устроенного нами взрыва, ссутулившись в неудобном кресле в приемной Лоуэлла, когда ярость уже испарилась, я все сильнее поражалась собственному поступку. О чем я только думала? Это же надо*: взорвать его долбаную машину?!* Дело столь же инфантильное, сколь и подсудное.

Что скажет мама? Что сделает отец Гвоздя?

Я поежилась, и вовсе не от арктической температуры, которую Лоуэлл почему-то считал необходимым поддерживать в своих владениях. Уничтожить «ранглер» Итана – самое безрассудное, что я сделала в жизни. Я действительно искренне, глубоко, серьезно надеялась, что нас с Гвоздем никто не видел. Иное даже представить себе было ужасно.

Мы ПОДОЖГЛИ его чертов ДЖИП, как факел. На школьной парковке!

Приоткрылась дверь, и в проеме показалась голова доктора Лоуэлла. У него не было ни секретарши, ни ассистентки. Наверное, не хватало клиентов, чтобы покрыть такие расходы.

– А! Мин. Ты вовремя.

Улыбаясь, он открыл дверь шире и приглашающим жестом указал внутрь кабинета. Под копной рыжих волос сверкал довольно суровый взгляд зеленых глаз на испещренном веснушками бледном лице. Одет Лоуэлл был как обычно – «неагрессивно», в подсевшие вельветовые брюки и тонкий голубой свитер.

– Входи. Хочешь содовой? Просто воды?

– Нет, спасибо.

Тот же вопрос. Тот же ответ. Каждый раз.

Лоуэлл дружелюбно кивнул.

– Ладно. Присаживайся, где тебе удобно.

Я выбираю то же место, что всегда: на кожаной оттоманке у окна с видом на озеро. Самое удаленное место от доктора в этом уютном, обшитом деревянными панелями кабинете.

Лоуэлл, как обычно, погрузился в свое вращающееся кресло. Справа от него на столе лежал закрытый ноутбук. Во время наших сеансов доктор никогда ничего не записывал, но пару раз, когда мне приходилось вернуться за забытой курткой или рюкзаком, я видела, как он строчит, как сумасшедший, страницу за страницей.

В таких случаях Лоуэлл всякий раз казался немного смущенным: сам находил оставленную мною вещь, торопливо спрашивал, не нужно ли мне еще что-нибудь, и так же торопливо выпроваживал с сердечной улыбкой. В общем, вел себя так, будто я застала его за чем-то неприличным. Кто знает? Может, так оно и было?

Я плюхнулась на оттоманку, скользя взглядом по комнате. Вдоль стен – книжные полки, на них – почтенные научные труды, наверняка полные всяческой психологической премудрости. Тут же – фото самого Лоуэлла из разных поездок. Похоже, у него не было семьи – нигде не видно ни нежной супруги, ни детей, ни даже какого-нибудь слюнявого добермана. В промежутках между полками – пейзажи, бледные и совершенно незапоминающиеся. Наверное, именно такие изображения призваны «не вызывать у пациента приступов агрессии», по рекомендации Совета по психиатрии и неврологии штата Айдахо.

В углу стоял массивный деревянный комод – наверное, настоящий антиквариат, отделанный бронзой и отлакированный до блеска. В моем присутствии его никогда не открывали. Ну, а на столе единственным предметом оставался уже упомянутый «Макбук Эйр».

– Итак, – начал Лоуэлл, скрестив руки на груди, положив лодыжку на колено другой ноги и глядя на меня своим патентованным «я твой друг» взглядом. Поначалу он пытался склонить меня к тому, чтобы я звала его просто Джеральд, но я решительно отказалась. – Как прошла неделя после нашей последней встречи?

«Встречи». Вечно он называет их «встречами», тщательно избегая слова «сеанс». Понятно – мой психиатр не хочет лишний раз дать мне почувствовать, что я *обязана* приходить сюда. Хотя это именно так.

Я пожала плечами:

– Нормально. Директор Майерс сказал, что вы хотели встретиться сегодня, а не в среду.

– В воскресенье у тебя был день рождения, – напомнил он, не меняя позы. У доктора Лоуэлла был настоящий дар невозмутимости, и это бесило. – А мы всегда встречаемся на следующий день после твоего дня рождения. На тот случай, если тебе понадобится поговорить. Поделиться.

– Со мной все в порядке. – Смотрю в окно. – Нечего рассказывать.

Выстрелы гремели в ушах. Я прямо-таки чувствовала, как раскаленные пули разрывают мой мозг.

Я подтянула колени к груди, чувствуя взгляд доктора Лоуэлла почти физически: наблюдающий, оценивающий, прикидывающий, неторопливо взвешивающий.

Я в свою очередь украдкой взглянула на часы. Еще сорок пять минут.

От доктора не ускользнуло мое нежелание общаться.

– Мин, – проникновенно начал он. – Я очень надеюсь, что мне не нужно напоминать тебе, что ты можешь мне доверять. Ничего из сказанного в этой комнате никогда не выйдет за ее пределы. Я хочу помочь. Если тебя что-то тревожит, сто́ит обсудить это именно здесь, в спокойной обстановке. Тебе станет легче. Обещаю.

То есть, он считает, что это вот – «спокойная обстановка»?!

Я не знала, что сказать. Значит, надо лгать. Ничего другого не остается.

– Я понимаю. Но, правда, ничего не случилось. Все в порядке.

Даже мне самой этот ответ показался неубедительным. Слишком резко, слишком пронзительно он прозвучал, словно вкладывая слишком много твердости в отрицание, я вызвала обратный эффект, подтвердив его подозрения.

– Боюсь, я не совсем уверен в этом, Мин. – Доктор Лоуэлл продолжал говорить мягко, без нажима, словно извиняясь. – Мне кажется, ты что-то от меня скрываешь.

Он не спрашивал. Я и не ответила. Хотя пылающие щеки, конечно, выдавали меня с головой.

Опустив ногу на пол, психиатр слегка наклонился вперед. Его лицо посерьезнело. В глазах мелькнуло разочарование.

– Мин, мы с тобой встречаемся уже шесть лет, – он продолжал говорить спокойно, но в его голосе появилось что-то, чего я не могла понять. – Мне хотелось бы думать, что за эти годы я хорошо тебя узнал. – Он замолчал, но я не стремилась прервать неловкую паузу. Наконец он продолжил: – Я чувствую, что сегодня ты… о чем-то умалчиваешь. Мне важно знать, почему.

Я подтянула колени еще ближе к подбородку, обхватив их руками, и молчала. За все время наших, так называемых, «встреч» я не помнила ни одного случая, чтобы Лоуэлл вот так напрямую давил на меня. Раньше мне всегда по умолчанию позволялось самой вести беседу, или, во всяком случае, – *создавалась иллюзия* моего контроля.

Давай. Скажи хоть что-нибудь.

– Извините. – Главное не встречаться с ним взглядом. – Вчера был очень скучный день. Я просто слонялась туда-сюда, пока мама была на работе, а потом… – Я опять замолчала, повисла еще одна пауза, и доктор не пришел мне на помощь. Никуда не денешься, придется продолжать. – Мне хотелось побыть одной. Так и вышло.

Вельвет брюк скрипнул, когда доктор выпрямился.

– И ничего необычного не случилось? Никаких… дурных воспоминаний, провалов в нормальной цепочке событий? Необъяснимых происшествий?

Я опустила ноги на пол. Невидимые защитные стены вновь выросли вокруг меня, взяв под надежную защиту.

– Нет, доктор Лоуэлл. Вчера со мной не случилось ничего… психопатического. Вы ведь это хотели узнать?

Лоуэлл откинулся в кресле. Было видно, как он заставляет свое вышколенное профессией тело оставаться расслабленным, хотя все существо его излучало… разочарование.

В животе неприятно кольнуло. А если он знает, что *что-то* произошло?

– Ты продолжаешь принимать лекарство? – внезапно спросил доктор Лоуэлл.

Вопрос застал меня врасплох.

– Что? Ах, да. Да.

…Только сегодня утром забыла. Так спешила в школу, что совсем забыла о маленькой голубой таблетке.

– Очень важно, чтобы ты принимала таблетки *каждый день*, Мин. – Он словно читал мои мысли. – Иначе у нас ничего не получится.

Доктор слегка сощурился. *Он злится. И скрывает это.*

Такое непривычное поведение вдруг придало мне смелости.

– А кстати, *что* это за таблетки, доктор Лоуэлл? – Я задала этот вопрос непринужденно, как бы из любопытства. – В смысле, из чего они? И как работают?

За все время наших сеансов мне никогда не приходило в голову об этом спросить.

У него нервно дернулась щека. Легкий тик. Но я успела заметить.

– Невротандал. Это психотропное соединение, синтезированное для лечения пациентов с диссоциативным расстройством как легкой, так и тяжелой формы. Состав соединения многослоен, – мягко ответил он. – Ты же знаешь. Ведь тебе невротандал прописан с десяти лет.

Я закинула ногу на ногу и откинулась назад, изображая беззаботность. Наконец мы с доктором погрузились в глубину наших отношений, затронув вопрос, беспокоивший меня долгие годы. И я понимала, что двигаться следует со всей осторожностью.

– Просто, видите ли, это лекарство я получаю и могу получать только у вас. В аптеках, насколько мне известно, его нет. Я знаю, я искала в Интернете и получила ровно ноль ссылок, чего просто не может быть. И вот я удивилась и захотела узнать… собственно… почему?

Лоуэлл ответил без видимого замешательства или нажима, словно по справочнику читал:

– Невротандал – экспериментальный препарат, и его запуск в широкую сеть застрял где-то в трясине Управления по санитарному надзору за качеством пищевых продуктов и медикаментов. Только после их одобрения можно будет выпустить невротандал в широкую сеть. Именно поэтому твоей матери пришлось подписать специальное согласие на то, чтобы давать его тебе, еще когда ты была маленькой. Мы надеялись, что твоем случае это лекарство поможет и, слава богу, не ошиблись.

Тогда почему же ко мне все еще является тот черный человек? Почему я до сих пор каждый год умираю?

Произнося все это, Лоуэлл пристально за мной наблюдал. Словно оценивал мою реакцию на свои слова. Похоже, на сей раз «встреча» пошла совсем не так, как он рассчитывал.

Чувствовал ли он, что я пытаюсь скрыть очередное нападение на меня?

Наверное, нет. Ведь раньше мне уже случалось водить его за нос.

Вот, к примеру, мои смерти в двенадцать и четырнадцать лет. Я о них ни словом не обмолвилась. Хотя в обоих случаях у меня были сеансы с доктором на следующий же день, как и сейчас. И тогда он с легкостью проглотил обман. Почему сейчас не так?

Потому, что он знает.

Я была уверена, что интуиция не подводит меня. Я была уверена, что доктор Лоуэлл знает нечто такое, чего ему знать не следует. И это нервировало. Мне хотелось немедленно сбежать из кабинета.

Нет. Не беги. Лучше расставь ему ловушку.

– Честно говоря, по части событий сегодняшнее утро было гораздо богаче, чем весь вчерашний день.

– Вот как? – доктор Лоуэлл наклонил голову. В его глазах отразился свет настольной лампы. – Что-то не так дома?

Осторожнее!

Нахмурившись, я взъерошила волосы. Задумчиво почесала щеку. Обычная Угрюмая Мин во всей красе.

– Мама не обратила на меня внимания, когда я вернулась домой, и ни слова не говорила до тех пор, пока я почти не ушла в школу. Иногда мне кажется, что она разочаровалась во мне.

– Твоя мама очень тяжело и много работает, – мягко заметил Лоуэлл. – Но она всегда на твоей стороне. В трудные моменты или при стрессе родители могут подолгу молчать, как и дети, понимаешь? Но это не значит, что они на них плюнули или стали меньше любить.

Я кивнула, не решаясь заговорить снова.

Наживка была простой, но он клюнул.

И кстати, он не спросил, откуда это я «вернулась домой». И главное – куда уходила…

Это могло, конечно, ничего не значить. Или доктор мог не совсем точно меня понять. Но в глубине души я знала, что это не так. Лоуэлл *никогда* не пропускал мимо ушей таких вещей. Шесть лет его терапии научили меня безошибочно судить об этом.

Во рту у меня пересохло. Продолжение игры в недомолвки грозило непредвиденными последствиями. Следовало немедленно, *вот прямо сейчас*, бежать из этого кабинета, но время «визита» едва перевалило за половину! Так что я стиснула зубы, сосредоточилась и думала лишь о том, чтобы не сболтнуть лишнего.

Оставшееся время сеанса прошло напряженно. Лоуэлл задавал вопросы, я отвечала односложно, и это не приносило удовлетворения ни одному из нас. В конце концов доктор взглянул на часы.

– Похоже, наше время истекло. Жду тебя на следующей неделе.

Я схватила рюкзак и рванула на выход. И дальше – через приемную на Хай-стрит, так быстро, как могла, стараясь, впрочем, не привлекать внимания. Взглянув вниз, в сторону озера, я увидела, что школьная парковка усеяна мигалками. Заметила большую городскую пожарную машину и две полицейских, патрульных (у нас их всего три). Несмотря ни на что, на сердце потеплело.

Ну что, как теперь насчет того, чтобы кого-нибудь отмутузить, а, крутой парень?

Я поспешила домой – улучшилось мое настроение или нет, а наткнуться сейчас на Итана с компанией мне хотелось ничуть не больше, чем Гвоздю. И тут меня поразила мысль, от которой я впала в ступор.

Лоуэлл мурыжил меня вопросами битый час. Но ни разу за всю ту вечность, что я оставалась запертой в его владениях, он не упомянул об астероиде.

Я так и стояла посредине пешеходного перехода с неверием на лице. *Вероятный конец света совершенно не беспокоит моего мозгоправа?* Как это возможно? Или просто это не имеет отношения к моему душевному здоровью?..

Просигналила машина, и я вздрогнула и метнулась к тротуару. В любом случае, беседуя с самой собой, ответа не узнать, а я еще совсем недавно совершила уголовное преступление.

Надо делать ноги, и поскорей.

7

Весь мой организм замыкается в клетке страха.

Сейчас – утро моего двенадцатого дня рождения, и меня охватывает ужас перед тем, что должно случиться. Я уверена, что на этот раз не выживу.

Однако пытаюсь переубедить себя. Одиннадцатилетие прошло спокойно. Я провела весь тот день в своей комнате, отказываясь разговаривать с кем бы то ни было, даже с мамой. Она тогда позвонила доктору Лоуэллу. Он приехал и пытался выманить меня наружу.

Он говорил, что все будет хорошо, что ничего не случится. А то, что было раньше, – это все у меня в голове и больше нигде.

Но я не открыла дверь и не двинулась с места. Тем утром я приняла таблетку, но ни на грош не верила, что она подействует. Разве таблетка может остановить убийцу? Разве она задержит хоть на минуту моего личного Ангела Смерти?

Но, представьте, остановила.

В тот день ничего не случилось. Человек в черном костюме не появился.

Не пришлось ни от кого удирать, не пришлось падать с высоты. Не пришлось погибать, чтобы потом проснуться замерзшей и одинокой в лесу.

А что, может, медицина и вправду все умеет, а все эти убийства были, честно скажем, моим бредом?

Стук в дверь. Это мама. Ей достаточно лишь взглянуть на меня, и с губ слетает вздох.

– Послушай, Мин, – она присаживается на краешек кровати и убирает влажную челку с моего потного лба. – Сегодня ты идешь в школу – и никаких возражений. Я уже говорила с директором Майерсом, он ждет тебя.

– Ты позвонила директору?! – Меня как громом поразило. Если кто-нибудь в школе узнает, что моя мама болтает по телефону с Деревянной Ногой Майерсом, то…

– И доктору Лоуэллу тоже, – продолжает мама, словно всаживая мне в грудь кинжал. – Все понимают, из-за чего ты расстроена и чего боишься, но надо сделать усилие и оставить все это позади. Забыть. Сегодня у тебя будет нормальный, радостный, счастливый день рождения, и начнется он в школе. – Она силится улыбнуться. – Там уже готовят праздник для тебя и Ноа Ливингстона. Разве не здорово?

– Ага. Здорово… – Она ничего не понимает.

Так и вижу эту картину: стою напротив этакой нашей местной расстрельной команды ребятишек рядом с Ноа – самым красивым, богатым и застенчивым парнем в классе, – и эти его друзья ржут, фыркают и хохочут над нами, насмехаясь над ним и его новой «подружкой». А он только покраснеет и отойдет в сторону, оставив меня, как дуру, одну.

Мама поднимает жалюзи и хлопает в ладоши.

– Ну же, давай, автобус скоро уходит. Тебе надо на него успеть. Я дам им знать, что ты задержишься, но всего на несколько минут.

Она смотрит на меня и видит боль в моих глазах.

– Прости меня, Мин, но мне самой через полчаса нужно быть на работе, а без душа никак не обойтись. Томас, наверное, подумал, то ты сегодня не поедешь. Он уже в автобусе.

– Ну вот, и Гвоздь тоже… – Конечно, именно так он и подумал. Я сама ему вчера это сказала.

Под собственные жалобные стоны собираю вещи. Плетусь вниз по пыльной дороге к воротам трейлерной парковки. Небо сегодня свинцово-серое и темное, как и мое настроение.

Странно, что на дороге так пусто. Там, внизу, в долине, бурлит и пенится озеро. Я знаю, что над его поверхностью дуют жуткие ветра, хотя сама здесь еще их не чувствую. Над лесом стелется легкий туман, моросит дождик. Пытаюсь представить себе еще более неподходящую погоду и себя в ней. Может быть, мокрый снег в холодную полночь?

Фары дальнего света прорезают туман. Я отхожу к обочине и жду, пока проедет машина – темного цвета седан какой-то новой марки, едет достаточно быстро. Интересно, кто это в такую рань спускается с самого верха Куарри-роуд, причем не на пикапе.

Седан сворачивает за изгиб дороги.

Что-то с ним не так. Прижимается к обочине. Я отступаю еще дальше, но там обрыв, скользкий от дождя.

Я слышу смену шума двигателя – машина возвращается назад. Я ловлю на себе взгляд водителя.

Темные очки. Темный костюм.

Я громко кричу, но поздно, поздно кричать.

Машина несется прямо к обочине, нацелив бампер мне в грудь.

Вспышка мучительной боли. Ощущение полета.

Все цвета вокруг взрываются. Мир исчезает.

Я прихожу в себя и пытаюсь пошевелиться. Уже ночь, и, судя по всему, давно.

Вокруг кромешная тьма, но я знаю, где нахожусь.

Вот только мозг мой отключается. Какое-то время я просто сижу там, где очнулась, не в силах подняться.

Я словно снова вижу его лицо сквозь лобовое стекло – за мгновение до удара. Чувствую, как машина врезается в меня, как ломаются мои кости и как саму меня подбрасывает в воздух, как тряпичную куклу.

Все это никуда не делось. И никогда не кончится.

Прикасаюсь ногой к чему-то и инстинктивно отшатываюсь. Но это всего лишь мой рюкзак. Аккуратно застегнутый и абсолютно целый. Естественно. Так я и думала. Делать нечего, надо возвращаться домой.

Мама заключает меня в объятия, как только я переступаю порог нашего трейлера. Ее лицо искажено от гнева и облегчения. Меня накрывает волной дежавю.

– Где ты была?! – слезы текут из ее покрасневших глаз.

В углу – какое-то движение. Доктор Лоуэлл сидит в кресле-качалке моей матери с чайной чашкой в руке.

– Успокойтесь, Вирджиния. Прошу вас. Давайте поговорим с Мин спокойно. Полагаю, она напугана не меньше вас.

Я едва ли не в ярости. Что он здесь делает?

– Я приняла таблетку, – автоматически вырывается у меня. Через секунду я жалею, что вообще открыла рот.

– Я тебе верю. – Голос Лоуэлла звучит успокаивающе. – Сядь, пожалуйста. Все будет хорошо. Твоя мама поступила совершенно правильно, позвонив мне, когда ты не появилась в школе.

Мама наконец выпускает меня из объятий, и я сажусь, как велел доктор.

Лоуэлл тут же принимает свою любимую позу «доброго советчика». Одежда на нем чистая, опрятная и сухая, лишь рыжие волосы слегка взъерошены. Мне вдруг приходит в голову, что он был здесь, у нас в трейлере, наедине с мамой – наверное, довольно долго.

– Прошу тебя, пожалуйста, расскажи нам, что с тобой сегодня случилось. Своими словами, какими захочешь. Мы будем слушать столько времени, сколько нужно. – Он ободряюще улыбается, но его лицо в тусклом свете кажется мертвенно-бледным, как у призрака.

Я ничего не отвечаю, но проклятые воспоминания оживают.

– Здесь ты в безопасности, Мин. – Любезно-заботливый тон доктора Лоуэлла никогда не изменяет ему. – Ты теперь дома, слышим тебя только твоя мама и я, и нам обоим важны и дороги только твои интересы. Я прошу тебя считать этот разговор как бы одной из наших бесед в моем кабинете.

Есть что-то такое в том, как он сидит в кресле… Какая-то фальшивая расслабленность. И цепкий взгляд…

И тон. В нем слышится некое скрытое намерение, которое мне не нравится.

И тогда, впервые в жизни, я ему лгу.

– Я прогуляла школу. – Упираюсь взглядом в дешевенький ковер. – Я не хотела праздновать день рождения вместе с Ноа. И вообще ни с кем. Поэтому я просто ушла в лес и спряталась там. Я читала и случайно уснула, а проснулась – уже темно. И я побежала домой.

Мама в сердцах хлопает себя по бедру.

– Мелинда! Как ты могла!

– Давайте не будем осуждать ее, Вирджиния, – мягко увещевает доктор Лоуэлл, не меняя при этом непринужденной позы «нога на ногу». – Вы же знаете, у Мин в прошлом случались не самые приятные дни рождения. Вполне понятно, что на этот раз она просто решила избежать праздника.

Он задумчиво смотрит на меня и, хотя позы опять-таки не меняет, я чувствую в его словах что-то новое.

– Это все, что ты хотела рассказать мне, Мин? Больше ничего не случилось? Совсем ничего?

Я вздрагиваю, и чувствую себя так, словно погружаюсь в глубокие темные воды.

Но я уже давно все для себя решила. И глядя ему прямо в глаза, качаю головой.

– Больше мне нечего сказать.

8

Объявление должно было начаться через три минуты.

Я пощелкала пультом, переключая каналы. Везде показывали пустую президентскую трибуну. Впервые в истории Дядя Сэм заранее зарезервировал все вещание в стране и прервал все программы. Так что если кто-то и хотел посмотреть «Игру престолов», ему явно не повезло.

Я попробовала войти в Твиттер, но и там не смогла поймать сигнала. Видимо, все люди в Америке ждали прямого эфира. Мама расхаживала взад-вперед по нашей крохотной кухоньке, яростно протирая полотенцем посуду – давно уже совершенно сухую. Ее руки дрожали. Не хотелось бы, чтобы она уронила какую-нибудь тарелку и порезалась.

Я встала и подошла к ней. Осторожно забрала из рук полотенце. Она напряглась, глаза сузились, челюсть задрожала.

– Со мной все в порядке… да и вообще… – Мама стиснула одной ладонью другую, словно вытирая их насухо. – Просто это так несправедливо по отношению к *вам*. К молодым. Вы не заслужили, чтобы ваши жизни просто взяли и выключили, как телевизор, прежде, чем вы даже успеете…

– Давай присядем, ладно? – Я подвела маму к ее креслу-качалке, а сама опустилась рядом, на кровать. Ее пессимизм не пугал, а скорее раздражал меня, но я ни за что на свете не показала бы ей этого.

– Подождем, что скажет НАСА, хорошо? Кто знает, может быть, окажется, что Молот – это гора туалетной бумаги?

Мама усмехнулась, шмыгнула носом и промокнула салфеткой заплаканные глаза. Ее взгляд стал отсутствующим.

– Знаешь, когда ты была маленькой, и тебя тестировали перед поступлением в подготовительный класс, твой коэффициент интеллекта оценили как чрезвычайно высокий. Самый высокий. Экзаменатор тогда сказала, что такие высокие показатели им не встречались много лет. Я не помню официальной школьной формулировки, но показатели были очень, *очень* высоки.

Тут она снова нахмурилась, а через минуту-другую решительно подалась вперед, не выпуская моей руки из своей.

– Мне нужно кое-что рассказать тебе. Чтобы ты запомнила. Крепко запомнила. Навсегда.

– Да, конечно. – Я сглотнула. – О чем ты хочешь рассказать?

– Обо всем, что я сделала… Обо всех этих… трудных… и *отвратительных* вещах, которые мне пришлось совершить. – Мама замолчала, словно пытаясь собраться с силами, чтобы продолжить, но мужество оставило ее. – Я сделала то, что мне казалось лучшим выбором, – закончила она, отпустив мою руку. – Я всегда так поступала.

Она отвела глаза. Я выдохнула. Даже не заметив, что не дышала.

– Все хорошо, мамочка, – сказала я, хотя мне хотелось, чтобы мы перестали обсуждать это сейчас. – Я ведь знаю, что…

– Нет! – Она закрыла глаза. – *Не знаешь*. Но другого выхода не было. По крайней мере, мне так кажется.

Я озадаченно уставилась на нее. Но в этот самый момент с экрана телевизора раздался голос:

«*Прошу всех встать. Дамы и господа, госпожа президент Соединенных Штатов Америки*».

Объявление начиналось. Все остальные мысли мгновенно улетучились из моей головы.

Неужели прямо сейчас мне скажут точное время моей смерти?

Заставка с трибуной исчезла, и вместо нее пошло прямое включение из Овального кабинета. Госпожа Верховный главнокомандующий сидела за столом с мрачным выражением лица. Без всяких преамбул она сказала:

– Буквально несколько секунд назад Национальное аэрокосмическое агентство информировало меня об окончательных расчетах относительно орбиты полета астероида 152660-ГР4, известного как *Молот*. Выводы, основанные на этих расчетах, еще не известны ни мне, ни кому-либо из членов моей администрации. По этой причине мы приняли решение всей командой перебраться в штаб-квартиру НАСА в Хьюстоне.

Я наклонилась вперед, не вставая с кровати.

На экране возник подиум, ведущий на простую, задрапированную черным сцену. Такое видео могло поступать из абсолютно любой аудитории. Запыхавшийся мужчина в белом халате опрометью подскочил к микрофону.

Весь мой организм затопило адреналином. Вот оно. Момент настал.

Долговязый ученый на экране ловил воздух ртом и, казалось, едва мог говорить.

– Он промахнется! – с присвистом прохрипел он наконец. Даже не прохрипел, а хрипло прокричал во все горло прямо в микрофон, так что тот зафонил. – Молот пролетит мимо Земли на расстоянии в двадцать одну тысячу девятьсот тридцать километров!

Дальше началось настоящее светопреставление. Заполненная публикой аудитория разразилась громом аплодисментов. Замигали вспышки фотоаппаратов и кинокамер. Люди срывались с мест, обнимали друг друга и вопили от радости. Затем камера на какое-то время перенеслась в студию новостей, где ведущий, как безумный, раскачивался в своем кресле, шумно отдуваясь от облегчения.

Мама тихонько сползла с кресла на пол.

Я упала на колени рядом с ней и схватила ее за руку.

– Мамочка! Мама! Что с тобой?

– Слава богу, – пробормотала она, перевернувшись на спину и уставившись в потолок. – Это было не *оно*. Время еще не пришло. А я была так уверена… так уверена…

Я резко выпрямилась. Сердце едва не выпрыгивало из груди.

– Мама, он пролетит мимо! Ты что, не рада? Мы спасены! Все хорошо!

Все ее тело вдруг так резко напряглось, что я от удивления выпустила ее руку. Печаль вновь заволокла мамин взгляд, хотя она изо всех сил старалась скрыть ее. Мама похлопала меня по руке.

– Да, ты права, Мелинда Джей, ты права. Господь милостив. Все теперь обязательно будет хорошо.

Но подлинной искренности в ее словах я не услышала. И меня расстроило ее неловкое притворство.

На экране вновь появилась госпожа президент, на сей раз с широкой улыбкой на лице, но ее слов я не расслышала. Снаружи, на парковке и до самой долины, загремели петарды. Я подбежала к окну. Фейерверки ярко освещали ночное небо, взрываясь с шумом и треском. Раздавались звуки выстрелов из настоящего огнестрельного оружия. Слышались ликующие голоса, смех и топот ног. Городок Файр-Лейк, приговоренный к казни, помиловали, и люди праздновали это событие. С размахом.

– Отойди оттуда, – упрашивала мама, к которой успело вернуться самообладание. – Чертовы дураки стреляют в воздух из винтовок. К тому же они пьяны в стельку. Без пострадавших не обойдется, помяни мое слово.

Я отступила от окна. По телевизору тем временем показывали репортажи из крупных городов мира. Улицы были запружены людьми, которые веселились и танцевали так, как будто каждый из них только что выиграл золотую олимпийскую медаль. Я снова проверила мобильный, но сигнала все еще не было.

К собственному удивлению я поняла, что не разделяю всеобщей эйфории. Не могу искренне присоединиться к этим диким пляскам. Почему? Я что, *хотела*, чтобы астероид сокрушил нашу планету?

– Пойду погуляю. Мне нужно подышать.

Мама вздрогнула и резко обернулась ко мне.

– Только ни шагу в город. Сегодня там никто за себя не отвечает.

Кивнув, я вышла и окунулась в прохладу вечера. Но через пару шагов кровь вдруг прилила к моей голове. Земля под ногами поехала куда-то вниз. Я покачнулась и упала в шезлонг рядом с мангалом. Нежданно нахлынувшие темные мысли душили меня. Парализовали.

Все хорошо, планета Земля не взорвется. В моей жизни все будет по-прежнему.

А значит… через два года *это* случится опять.

Я прикрыла лицо ладонью. Пробежала пальцами ото лба к подбородку. Вся тяжесть этого мира легла мне на плечи. Безумие продолжится, а я даже не знаю, что именно происходило со мной в действительности.

Я широко распахнула глаза.

Доказательство.

Должно же быть хоть что-то. Здесь. Дома. Пусть самая тоненькая ниточка, подтверждающая, что человек в черном костюме *существует*. Хоть что-то, чтобы почувствовать себя нормальной.

Я встала, припоминая события последнего эпизода. Когда он приехал, то предположил, что я дома, внутри трейлера. Был ранний вечер выходного дня. Но проверил ли он, убедился ли, что я действительно там? Если проверил, то как?

Я принялась кружить вокруг трейлера в поисках малейшего указания на то, что кто-то до меня уже проделывал этот путь. Зашла за один угол, затем за другой, встав на цыпочки, заглянула в грязное окошко своей комнаты.

И тут у меня перехватило дыхание.

Вот. Здесь. В грязи.

Чтобы окончательно убедиться, я рухнула на колени.

След ботинка. Низкий каблук, рифленая подошва.

В памяти замелькали воспоминания. Вот я валяюсь на ковре в спальне. Дыра с обожженными краями в двери. Пронзительная яркость люминесцентных ламп в моей комнате. И человек в черном костюме. Он стоит надо мной, и его ботинок – всего в нескольких сантиметрах от моего лица.

Блестящий. Черный. На низком каблуке. С рифленой подошвой.

Это и есть *доказательство.* Неоспоримый, конкретный факт.

Но размытый след ботинка не убедит маму. И Лоуэлла не убедит. И шерифа Уотсона вместе со всем его полицейским отделением, и всех остальных в городе, кто слышал о моих предыдущих «приключениях», начавшихся в детстве.

Ни единую живую душу на этом свете мне не удастся уверить в том, что меня убивали.

Но для меня самой всего этого было вполне достаточно.

Горячие слезы потекли по щекам и закапали с подбородка, словно крупные капли дождя.

Я не сумасшедшая. Человек в черном костюме существует.

Он носит ботинки на низких каблуках. Он бродил вокруг нашего трейлера, прежде чем застрелить меня насмерть. Спотыкаясь, я вернулась к шезлонгу и рухнула в него.

Убийства не были галлюцинациями.

Но… тогда… что же они такое? Как получается, что я погибаю, а потом снова оказываюсь живой?

Почему именно на одной и той же поляне? Как я туда попадала после предыдущих убийств? Где я находилось до того, как туда попасть?

До сих пор я старалась избегать этих вопросов, и часть меня, кажется, действительно была уверена в том, что я *ненормальная.*

Но нет. Больше нет. Все эти события происходили в самой что ни на есть реальной действительности. След в грязи не может лгать.

Ну и что же, черт возьми, мне теперь делать?

Что-то хрустнуло среди опавших сосновых иголок. Я подскочила со своего места, а что-то большое и широкое, в свою очередь, метнулось через живую изгородь позади меня. «Полегче, Раузи[16]». На губах Гвоздя заиграла его вечная широкая улыбка, пока он отряхивал от листвы длинные рукава футболки с группой «Блэк киз»[17].

– С каких это пор ты решила заняться боксом?

Я опустила глаза и увидела, что мои руки сжаты в кулаки. Я расслабила их, вытерла глаза, и покраснела от смущения.

Гвоздь, как всегда, все неправильно понял.

– Эй, ну ты чего! – Он обнял меня. – Все отлично! Молот, как ты и говорила, оказался всего лишь гигантским привидением из сказок.

Я кивнула, не переставая дрожать. Где-то вдалеке раздавались уже не только отдельные выстрелы, но и автоматные очереди, а за ними несколько довольно громких взрывов. Дверь трейлера распахнулась, и в проеме показалась мамина голова. Гвоздь отпустил меня и плюхнулся в шезлонг.

Мама поджала губы.

---

[16] Ронда Джин Раузи (Ronda Jean Rousey) – американская актриса и реслер, в прошлом боец MMA, дзюдоистка.

[17] The Black Keys – американская рок-группа, сформированная в 2001 году в городе Акрон, штат Огайо. Играет музыку в жанрах блюз-рок, гаражный рок и инди-рок.

– Эти идиоты из *фанерного городка*[18], там, внизу, сегодня оставят друг в друге порядочное количество дырок. Не могу сказать, что буду сильно скучать по «выбывшим». – Она кивнула моему другу. – Привет, Гвоздь. Ну вот, видимо, наше знакомство продлится несколько дольше, чем казалось сегодня утром.

– Да, мэм. Это, знаете ли, все – отражатель астероидов. Моей конструкции. Нам удался этот фокус.

Мама усмехнулась.

– Ну, я расскажу соседям, кого следует благодарить. Вы только далеко отсюда не уходите, пожалуйста. Так безопаснее.

– Собственно говоря, – заявил вдруг Гвоздь, – мы с Мин собирались направиться в Рощу Высшей Точки. Там, внизу, у озера, похоже, празднуют сразу дюжину Четвертых июля, и мне все-таки хочется посмотреть на это гуляние. Но с безопасного расстояния, – добавил он поспешно.

При этом Гвоздь тайком подмигнул мне. *Да ради бога, куда угодно*. Честно говоря, поглядеть на всю эту безумную катавасию внизу, в долине, все-таки веселее, чем сидеть у холодного мангала. *Мне ведь надо развеяться*.

Мама строго посмотрела на меня.

– Во всяком случае, не заходите на ту сторону Куорри-роуд. Эти ребята бог знает как долго будут бузить и снимать стресс, понимаешь? Без проблем там не обойдется, я уверена. Завтра на работе придется оборудовать что-то вроде лазарета.

– Не беспокойтесь, – крикнул ей Гвоздь, уже скача по дорожке вприпрыжку, как шестилетка. Мама одарила нас на прощание печальной улыбкой, которая появлялась на ее лице только в присутствии Томаса, и скрылась за дверью трейлера.

– Эй, оболтус! Сбавь обороты. Я не поспеваю. И что это тебе вдруг понадобилось в Высшей Точке?

Гвоздь остановился на дорожке, деливший нашу трейлерную парковку на две половины, чтобы дождаться меня.

– Да я, собственно, правду сказал. Мало ли что там может случиться, и я не прочь занять нам хорошие места с видом на заварушку. Кто знает? Может быть, раньше, чем Итан убьет нас, его самого разорвет на части шальным взрывом?

Только тут меня кольнуло воспоминание о преступлении, совершенном нами днем.

Господи! И о чем я только думала?

Выйдя за ворота, мы направились по ухабистой тропинке, ведущей к подножию Шахтерского пика – мощного каменного монолита, возвышавшегося таким образом, что он совершенно закрывал нашу трейлерную стоянку со стороны города. Если бы его тут не воздвигла природа, жители Файр-Лейк, наверное, сами построили бы что-нибудь этакое. А Роща Высшей Точки представляла собой небольшое плато на скалистой шапке этого пика, поросшее деревьями, в десяти минутах почти вертикального подъема в гору от нашего квартала. Оттуда открывался вид и на город, и на озеро, и практически на всю долину. В общем, к тому моменту, когда мы добрались до вершины, я изрядно запыхалась.

Нашу Рощу давно облюбовали для встреч парочки, ищущие уединения, но на сей раз нам повезло – полное уединение досталось исключительно нам с Гвоздем. Я уже собиралась присесть на траву, когда Томас вдруг похлопал по стволу одного из гигантских дубов.

– А давай-ка по старинке! – Он уставился ввысь, на сплетение толстых ветвей. – Как думаешь, как высоко нам удастся забраться?

---

[18] «Фанерными городками» (liberty camps) в США называются поселения, состоящие из временных построек типа павильонов или железнодорожных вагонов. От трейлерных парков отличаются отсутствием колес и способности самостоятельно передвигаться. В Файр-Лейк одна часть поселения состоит из трейлерного парка, другая – из фанерного городка.

– Серьезно? – воскликнула я инстинктивно, а потом подумала: – *Почему бы и нет? Я что, недостаточно крута, чтоб на дерево влезть?..* Протянув руку, я потерла грубую кору. В голове замелькали воспоминания детства.

– Как высоко? До самой макушки, конечно!

Гвоздь ухмыльнулся, подтянулся и исчез в сплетении нижних ветвей. Он опустил руку, чтобы подтянуть меня к себе, но я презрительно ее отвела.

– Давай полезай, не задерживайся!

– Хо-хо, – Раздался из ветвей смех Гвоздя. – Извини, Китнисс[19]! Я и забыл, что ты у нас мастер по выживанию первого класса.

– Вот именно. – Стараясь не отставать от Гвоздя, я выбрала другой маршрут подъема и даже вырвалась вперед. – Держу пари, нам и сейчас не слабó добраться до «подъемника».

Действительно, на высоте примерно шести метров сплетение ветвей образовывало удобную *корзину*. Я о ней знала, но, как выяснилось, совершенно забыла. В нее мы и забрались. Долина расстилалась перед нами, как картинка из книжки.

Я улыбнулась. Стоило отдать должное Гвоздю, он все отлично придумал.

Буквально через пару минут там, внизу, с нечеловеческой скоростью один за другим начали взрываться фейерверки. Он расцветали, как огненные цветы, и тут же с громким шипением тонули в озере. По водной глади пронеслось несколько кругов петард.

– Фанерщики активно реализуют свое право носить оружие, – сухо заметил Гвоздь, указывая на яркую вспышку на дальней стороне городка. – Хотя, между прочим, использовать боевые патроны в такой близости от населенных пунктов – незаконно.

– Да весь этот фанерный городок незаконен, – отозвалась я. Неприятно оглушительные взрывы и треск слышались еще несколько минут, прежде чем неожиданно стихнуть, будто раствориться в воздухе. – Мама говорит, что у шерифа Уотсона просто кишка тонка разогнать сквоттеров.

– По крайней мере, на нашем Бревне все тихо. – Гвоздь напряженно всматривался теперь в противоположном направлении, туда, где покачивался узенький подвесной мост через Овражную впадину. Овраг под мостом был застлан туманом, так что дна видно не было, и картина приобретала мистически-призрачный вид.

– Даже не верится, что это единственный путь, которым можно приехать сюда или уехать отсюда, – задумчиво сказала я, рассматривая тонкие металлические решетки пролетов. – Что будет, если мост упадет?

– Такое уже случалось. – Гвоздь уперся ступнями в толстую узловатую ветку. Было видно, как он рад, что знает что-то такое, чего не знала я. – В шестидесятых. Мой дед рассказывал, что была жуткая заваруха. Тогда здесь жило примерно вполовину меньше людей, чем сейчас. И они проторчали полностью отрезанные от мира в долине примерно два месяца. Запасы им сбрасывали с вертолетов Национальной гвардии.

Я удивленно подняла бровь.

– И как же им в конце концов удалось его починить?

– Как-как. При помощи металла и бетона, как же еще.

Я засмеялась и прислонилась спиной к стволу дуба. Как хорошо, что мы здесь вместе. Наше маленькое путешествие, по крайней мере, спасло меня от жуткой одинокой ночи, полной раздражения и параноидальных страхов. Гвоздю всегда удавалось улучшить мне настроение.

А раз так, то почему бы ему все не рассказать?

[19] Китнисс Эвердин – вымышленный персонаж трилогии книг Сьюзен Коллинз «Голодные игры» и одноименного фильма. Лишена чувства самосохранения и страха.

Желание сделать это накрыло меня с такой силой, что я нечаянно расслабилась и покачнулась на ветке – едва удалось удержать равновесие.

Нет, ну почему бы действительно не рассказать Гвоздю? Надо же кому-то доверять, разве не так?

Но поверит ли он?

В этот миг совершенно непонятно почему перед моим внутренним взором возникло лицо Ноа Ливингстона. Я представила, что это он сидит тут на дереве рядом со мной и смотрит на долину. И это было полным бредом, ведь с ним мы никогда не делали ничего подобного. Ну, и почему, в таком случае, я вспомнила о нем?

Задумавшись, я не сразу заметила, как Гвоздь пристально глядит на меня.

– Что-то не так? – спросил он.

Давай. Расскажи ему. Тебе сразу полегчает.

Тут какой-то длинный косой луч словно скальпелем пронзил нашу корзину из ветвей, почти ослепив меня. Часто заморгав, я посмотрела вниз и увидела на противоположном конце моста целую линию ксеноновых фар.

– Это еще что, какого черта? – Гвоздь приподнялся на ветке и вытянул шею, чтобы получше рассмотреть, что там такое. – Нет, ты это видела? Сюда направляется грузовиков сорок, не меньше!

Гвоздь не ошибся. Плотная колонна огромных машин пересекала наше Бревно и сворачивала дальше по направлению к фанерному городку. Здесь были и автофургоны, и джипы, и внедорожники, и «хаммеры». Все выкрашены в неброский серый цвет, все забиты солдатами в форме.

– Да кому же, хотел бы я знать… – Гвоздь подался вперед сильнее, чем я могла бы назвать безопасным, обвил ногами ненадежную ветку и принялся щелкать камерой мобильника. Я сомневалась, что с такого расстояния можно сделать сколько-нибудь четкий снимок.

– Видишь вон там эти огромные агрегаты? – Он указал пальцем на две восемнадцатиколесные фуры, двигавшиеся в центре конвоя. – Что у них на бортах нарисовано?

Даже сильно сощурившись, рассмотреть как следует я не могла.

– Кажется… черные треугольники. Или что-то звездообразное? Отсюда не видно.

Гвоздь отклонился назад и принялся листать снимки в телефоне.

– Военные штучки, это уж точно. Но я никогда раньше не видел такого символа подразделения. Что само по себе ужасно странно, я такие вещи назубок знаю.

В этом ему и вправду можно было доверять. Отец Гвоздя служил в Силах специального назначения США. До того как его отправили в отставку из-за какого-то мутного случая в Афганистане. Мы с моим другом никогда это не обсуждали, но, судя по выражению, появлявшемуся на лице моей мамы всякий раз, когда об этом заходила речь, его служба закончилась не самым лучшим образом.

Тем временем автоколонна уже петляла между фанерных строений городка – нигде не притормаживая, несмотря на возгласы зевак и свист пьяных гуляк. Она выехала из городка и, покачивая кузовами, свернула на дорогу к Старому форту – покрытую грязью, почти заброшенную, и к тому же ведущую в тупик на восточном конце долины.

– Ого! – Гвоздь взглянул на меня. – Там только одно им может быть нужно.

– Угу. – Я провожала кортеж глазами до тех пор, пока он не исчез из зоны освещения фонарей. – Предположительно – ничего.

Как и все остальные жители Файр-Лейк, я была в курсе слухов о «федеральных владениях». Это было что-то вроде старого лагеря для интернированных. Или законсервированного ядерного полигона. Или другого полигона – учебного, принадлежавшего Боевой морской группе быстрого развертывания. В общем, много ходило разговоров. Но в любом случае, «вла-

дения» эти были заброшены задолго до моего рождения, и об их существовании напоминал лишь забор из рабицы да несколько знаков «Не приближаться!».

Конвой тем временем исчез за деревьями, и когда спустя несколько минут он с другой стороны не показался, ответ стал очевиден.

Гвоздь похлопал себя по бедру.

– Что-то случилось. Что-то такое, чего раньше никогда не случалось.

– Может, и случалось, откуда ты знаешь? Сейчас уже поздно. Может, они всегда появляются по ночам?

Гвоздь решительно покачал головой.

– Нет. Я бы знал. Отец бы ничего такого не пропустил, можешь не сомневаться.

Я прикусила язык. Уэнделл Руссо, хотя и имел репутацию механика-аса, надежным человеком не слыл у большей части населения городка. Разве что мистер Каппель, владелец винного магазина, возможно, считал иначе. Но Гвоздь, даром что частенько получал от отца по первое число, старика своего уважал.

– Пошли-ка домой, – неожиданно заволновался Гвоздь. – Мой телефон тут сигнала не ловит, а мне обязательно надо загуглить эту эмблему. Кстати, как ты думаешь, что там сейчас происходит? Лично я насчитал целую кучу солдат. Где они там все спать собираются?

Гвоздь перелез на ветку ниже и на секунду застыл там, внимательно глядя на меня.

– Эй, слушай, ведь ты собиралась что-то мне сказать, перед тем как они появились.

Я набрала воздуха в легкие, повернулась так, чтобы ему не было видно моего лица, и ответила:

– Да нет. Ничего.

Часом позже, я сидела одна у себя в спальне. Мама уже успела уснуть.

Когда Гвоздю наконец удалось подключиться к интернету, поиск среди символов армии США ничего не дал. Ему в это не верилось, он раз пятнадцать повторил поиск. Я чувствовала, как его обуревает одержимость, ну а мне на сей раз было просто любопытно, не более.

Что-то здесь, конечно, было нечисто.

Как минимум время.

Военное подразделение с неизвестными знаками отличия является в нашу сонную долину той же ночью, когда обнародовали новости о Молоте. Мне вообще не нравятся совпадения, а уж такие значительные – и того меньше.

А что такого? Молот пролетит мимо, что еще может иметь значение?

Я нырнула в старую поношенную майку и мальчишечьи шорты. Выпила стакан воды. Почистила зубы и умылась. И тут мой взгляд упал на них. Вот они, на ночном столике.

Маленькие голубые таблетки.

Я принимала по одной в день целых шесть лет.

Несколько минут я молча смотрела на флакон. Потом решительно отправилась в уборную и спустила таблетки в унитаз. Щеки горели. Флакон я тоже выбросила и быстро запрыгнула в постель.

Доктор Лоуэлл.

Это он скармливал мне все эти истории про бред и психические расстройства.

Взвесив все возможности, я наметила план действий.

Доктор Лоуэлл наверняка пишет «историю болезни». Моей болезни. И там говорится о том, что именно мне прописано.

Надо добраться до этих записей.

9

Я стою, прижавшись спиной к ряду шкафчиков цвета лайма.

Мимо проходят двое мужчин в униформе, их туго зашнурованные ботинки стучат по полу, выложенному в шахматном порядке желтыми и белыми плитами.

Миссис Томпсон сжимает мое плечо. Она говорит что-то успокаивающее, но я ее почти не слышу. Что эти люди делают в нашей школе? Почему все учителя вдруг натянули на себя эти широкие фальшивые улыбки, которые явно не имеют ничего общего с их настоящим настроением?

Мимо хромает, хмурясь неизвестно на что, директор Майерс. В отличие от остальных, он не притворяется. И это плохо, я знаю. Ведь взрослые всегда притворяются до последнего.

Миссис Томпсон собирает вокруг себя приготовишек – весь класс. Мы с Томасом стоим рядом, сцепившись пальцами. Ноа болтается неподалеку. Он тяжело дышит, глаза округлились, как суповые тарелки. Его я тоже беру за руку. Не хочу, чтобы ему было страшно.

Он, кажется, удивлен. Мы не разговаривали со вчерашней вечеринки в классе, когда у него не получилось сразу задуть свою половину именинных свечей, и мне пришлось ему помогать. Но руки он не отнимает.

– Помните, о чем мы с вами говорили, ребята, – начинает миссис Томпсон. – На дальней стороне долины произошел выброс вредных химикатов. Из-за них мы можем заболеть. Но мы этого не хотим, верно?

Мы киваем – одновременно, как маленькие роботы.

– Вот именно. Поэтому группа очень хороших людей из… из… – она морщится прежде, чем продолжить, – …из государственных служб приехала нам на помощь. Они дадут нам специальное лекарство, чтобы ничего плохого с нами не случилось.

Над толпой детишек поднимается чья-то рука. Это Тоби.

– Мой папа говорит, что в Скальный ручей кто-то спустил пестициды, – почти шепчет он, широко раскрыв глаза, – и из-за них у всех у нас будет рак, а виноват во всем президент.

Миссис Томпсон надевает на лицо фирменное выражение бесконечного терпения.

– Никто раком не заболеет, Тоби, и президент не имеет к этому никакого отношения. – Она поворачивается, обращаясь ко всей группе. – Патогенные микроорганизмы случайно попали в окружающую среду. Кстати, все помнят, что на прошлой неделе мы говорили о микробах? О том, почему мы моем руки перед едой?

Мы снова киваем.

– Так вот, патоген – это опасный микроорганизм. Конкретно этот был разработан, получен искусственным путем в ходе экспериментов. А это значит, что он до сих пор находится на стадии проверки по части безопасности.

– Безопасности от чего? – спрашивает Томас, не поднимая руки. Он вообще никогда руку не поднимает.

– Они проверяют, безопасно ли опылять им посевы растений, которые мы потом едим. Опылять нужно, чтобы отпугивать вредных насекомых. – Учительница порхающим движением приглаживает волосы. – Но остается вероятность того, что для людей этот микроорганизм опасен, так что необходимо принять особые меры, чтобы никто из нас не заболел.

Тоби кивает.

– Не заболел раком, ага. Как мой дедушка.

Ноа сильнее сжимает мою руку. Его ладонь вспотела, но я свою не высвобождаю.

Миссис Томпсон вздыхает.

– Нет, Тоби, речь идет не о раке. Очень прошу тебя, перестань все время это повторять.

Мимо нас торопливо проходят две женщины в белых халатах. Обе – в хирургических масках, прикрывающих лица. Миссис Томпсон провожает их взглядом до самого конца коридора.

– А почему нам не выдают маски? – спрашивает Томас.

– Очевидно, потому, что они нам не нужны, – бодро, но твердо реагирует миссис Томпсон. Вдруг откуда-то сверху раздается голос, и все от неожиданности подпрыгивают.

– Подготовительный класс!

По коридору к нам направляется человек с ноутбуком в руках. В белом халате. В маске. В белой шапочке.

– Все за мной! – отрывисто командует он. Не очень-то вежливо.

Миссис Томпсон выразительно смотрит на него, но он никак не реагирует. Тогда она оборачивается к нам.

– У всех есть пара? Хорошо. Пожалуйста, идите за мной парами, друг за другом. – И она решительно направляется по коридору, больше не обращая на человека с ноутбуком никакого внимания.

В общей толкотне Томас теряет меня, и, в конце концов, его выносит к Джессике. Мы с Ноа все еще стоим, взявшись за руки.

– Пойдем вместе? – дрожащим голосом спрашивает он.

– Ладно, – отвечаю я.

Мы с Ноа редко играем вместе, но я вижу, как он напуган. Сейчас не время его бросать. Хотя Томас там, в конце колонны, и дуется. Я беззвучно шепчу ему «извини».

Мы идем по коридору к двустворчатой двери, ведущей в спортзал. Там человек с ноутбуком командует нам остановиться и ждать. Сам он проскальзывает в зал, а я оглядываюсь назад. Одна из дверей приоткрыта. В проем виден кабинет директора.

Там собрались люди. Сам директор Майерс. Человек с огромными усами – шериф Уотсон. И еще двое в костюмах – стоят у стола. Все напряженно вглядываются во что-то, разложенное на столешнице, и лица у всех более чем серьезные.

Директор Майерс выпрямляется и обращается к одному из незнакомцев:

– Так вы действительно не знаете? Ничего об этом не знаете? Да знаете ли вы, черт побери, хоть что-нибудь?!

Я вздрагиваю от неожиданности – и в этот самый момент директор перехватывает мой взгляд. Увидев, что я на него смотрю, Майерс ревет, как потревоженный гризли: «Да что же это такое!..»

Я мгновенно отвожу глаза, но уже поздно. Майерс продолжает что-то грозно выкрикивать, и дверь с треском захлопывается.

В животе у меня все переворачивается. Похоже, угодила я в переделку.

Побледневший Ноа смотрит на меня. Он что, тоже все это видел?

Но прежде, чем я успеваю у него спросить, двери спортзала распахиваются.

– Заходите, пожалуйста! – командует Человек с Ноутбуком. Похоже, тут уже успела собраться вся школа. Старшие ребята выходят через левую створку, мрачно ворча и потирая плечи.

– О, нет, только не прививка! – стонет Тоби. Волна страха катится по нашему классу.

Ноа сильно сжимает мне руку. Я отвечаю тем же.

Миссис Томпсон никак не реагирует на стон Тоби, что может означать лишь одно – он попал в точку. Мы плетемся за учительницей к раскладному столу, за которым сидит сурового вида женщина в очках с толстыми линзами. На баскетбольной площадке установлено восемь белых палаток. Из них, тоже потирая плечи, медленной струйкой сочатся первоклашки.

– Шприцы! – перешептываются Майк и Крис. Наши кошмарные подозрения сбываются.

Человек с Ноутбуком становится во главе нашей шеренги.

– Прошу выстроиться в алфавитном порядке по фамилиям. Кто услышит свою, делает шаг вперед и отвечает на вопросы доктора Паркер.

Нам нужно время, чтобы перестроиться. Миссис Томпсон подгоняет. Понимая, что рядом нам уже не оказаться, я выпускаю руку Ноа. Он еще несколько секунд не разжимает пальцы, потом, наконец, отпускает меня и вытирает влажную ладонь о рубашку.

– Извини.

– Да нормально все. – Я, спрятав руку за спиной, чтобы он не видел, тоже вытираю ее.

– Альбертсон Тобиас!

Тоби ковыляет вперед, его ноги заметно дрожат. О чем его спрашивает строгая женщина, не слышно. Моя фамилия начинается на «У», так что в шеренге я почти последняя. Один за другим моих одноклассников вызывают к столу, они отвечают на вопросы, затем скрываются в одной из восьми белых палаток. Наконец подходит моя очередь.

– Уайлдер Мелинда!

Я подхожу к столу.

– Возраст? – равнодушно спрашивает женщина.

– Шесть лет, – отвечаю я, скользнув взглядом по лицу миссис Томпсон. На нем застыло странное выражение, но она ободряюще улыбается мне.

– Дата рождения?

– Семнадцатое сентября.

Опрос продолжается несколько минут. Я стараюсь отвечать четко и ясно, но не на все вопросы знаю ответы. Всякий раз, когда я запинаюсь, строгая женщина хмурится. Я слышу, как миссис Томпсон бормочет: «Откуда шестилетний ребенок может знать историю своих болезней?» Наконец доктор проставляет печати в каких-то бумагах, закрывает папку и указывает мне на последнюю палатку справа.

– Прошу в блок «Ф».

Я бреду через спортзал и ныряю под белую занавеску. Внутри стоит кресло, похожее на стоматологическое, а рядом, на раскладном столике, разложены медицинские инструменты. В глаза мне сразу бросается лоток со шприцами и оранжевая мусорная корзина с предупреждающими надписями.

Сердце уходит в пятки.

В палатку входит человек в белом халате, худой и седой, с голубыми глазами, сияющими над маской. Небрежно бросив стетоскоп на столик, он оттягивает маску к подбородку и улыбается мне:

– Ну, привет!

– Здравствуйте, – скрестив руки на груди, отвечаю я.

– Ну-ну, – человек в белом халате садится на корточки, так что наши глаза оказываются на одном уровне, – бояться нечего… – Он привстает, чтобы заглянуть в мои данные. – …мисс Мелинда, я доктор Харрис, приятно познакомиться.

– Мин, – бормочу я в ответ.

Его улыбка становится еще шире.

– Что-что, прости?

– Мин. – Я слегка повышаю голос. Этот доктор, кажется, приятнее остальных. – Меня зовут Мин. Терпеть не могу, когда меня называют Мелиндой.

– Что ж, тогда мы так и запишем. – Доктор с преувеличенной размашистостью вычеркивает что-то в данных и вносит новую запись. – Итак, имя – Мин, а не какая-то там Мелинда. Готово! Так гораздо лучше.

У него приятная заразительная улыбка. Я невольно улыбаюсь в ответ.

– Так вот, Мин, – начинает он, – не присядешь ли ты в это кресло-вертушку ненадолго. Обещаю, мы все будем делать плавно, медленно, шаг за шагом.

Я напрягаюсь, но подчиняюсь и карабкаюсь на высокое сиденье.

Доктор Харрис, в свою очередь, плюхается на маленький стульчик – тоже на колесиках.

– Я понимаю, что ты слегка взволнована: что, мол, такое мы сейчас будем с тобой делать, да?

Я медленно киваю. Он тоже наклоняет голову.

– Ну, так вот, волноваться совершенно не о чем. – Он что-то записывает. – Это исследование – превентивная мера, мера предосторожности. Надо убедиться, что ты здорова, и с тобой и дальше все будет хорошо. Понимаешь?

– Да.

– Спасибо, Мин. Тогда давай побыстрее покончим с этими дурацкими тестами.

В течение следующих двадцати минут меня взвешивают, измеряют, тыкают в меня какими-то инструментами, поворачивают туда-сюда – в общем, изучают. Доктор Харрис ведет себя очень вежливо, объясняет смысл каждой процедуры, всякий раз просит разрешения к ней приступить. И после каждой делает какие-то пометки.

Наконец он откидывается назад на своем стульчике.

– Ну вот, осталось сделать еще только две вещи – и конец. К сожалению, ни одна из них тебе удовольствия не доставит.

– И в чем они заключаются?

– Во-первых, мне надо взять крошечную капельку крови на анализ, а потом… мне придется сделать тебе… – Его голос понижается до страшного шепота, а глаза округляются, словно от удивления, как у клоуна в цирке: —…УКОЛ!

Лицо доктора принимает до того забавное выражение, что я невольно хихикаю.

– Вот и славно! – Доктор Хоррис протягивает раскрытую ладонь, и я хлопаю по ней в знак согласия. Мне уже не так страшно. Он откатывается на стульчике, открывает шкаф и достает оттуда маленький лоток с инструментами. – Сама не заметишь, как все закончится. Что скажешь? Готова?

Я сглатываю и киваю.

Он одаряет меня лучезарной улыбкой.

– Славная девочка! Спасибо!

Первый укол не так уж страшен. Доктор Харрис говорит, чтобы я отвернулась, чтобы не видеть собственной крови, но я, наоборот, наблюдаю, как она заполняет пробирку. Доктор хвалит меня за храбрость.

Вторая игла жалит больнее. Она толще и длиннее. В плече разрастается ноющая боль. Я всхлипываю, но доктор Харрис похлопывает меня по спине, бормочет утешительные слова и нажимает на поршень. Через несколько секунд все позади. Доктор ловко накладывает повязку, под которой немного чешется.

– Замечательно, Мин! Еще пара минут, и ты свободна. – Доктор Харрис ставит пробирку с образцом моей крови в контейнер и делает еще несколько заметок. Контейнер он уносит куда-то в заднюю часть палатки.

Я вижу, что мои данные все еще на столе.

Спрыгнув с кресла, я подхожу ближе, пытаясь рассмотреть их. Почерк доктора мелкий и неразборчивый, но внизу страницы четко видны два слова, не написанные, а напечатанные красным шрифтом: ПРОЕКТ «НЕМЕЗИДА».

Час спустя я уже снова в классе миссис Томпсон – играю с буквами на магнитах. Ребята все еще нет-нет, да потирают зудящие плечи. Джессика и еще несколько девчонок плаксиво шмыгают носами, но в основном мои одноклассники скорее возбуждены, чем расстроены или

напуганы. Все произошедшее в спортзале кажется им теперь увлекательным приключением, да и взрослые нам это говорят.

Люди в военной форме исчезли, и миссис Томпсон явно испытывает от этого облегчение. А как насчет людей в костюмах – интересно, они еще здесь? И директор Майерс – он все еще сердится? Неужели его тоже кололи?

Тут раздается стук в дверь.

Я поднимаю глаза и замираю.

В класс входит директор Майерс, но не это удивляет меня. Рядом с ним – доктор Харрис. Заметив меня, он улыбается и машет мне рукой. Я отвечаю на приветствие – а что еще остается делать?

– Об этом мы не договаривались, – озабоченно говорит миссис Томпсон. – Речь шла только об осмотрах и прививках. Я не могу позволить забирать из класса детей только потому, что этот человек…

Директор Майерс перебивает ее:

– Я знаю, что вы возражаете, Агнес. Но мне кажется, нет необходимости напоминать, кто руководит школой. Обещаю постоянно быть рядом и следить за всем происходящим.

Миссис Томпсон сникает.

– Наверняка их родители…

– Будут должным образом проинформированы. А теперь, пожалуйста, вызовите тех, кто нам нужен.

Миссис Томпсон смотрит на Майерса так, словно видит его впервые, потом переводит взгляд на меня. Наши глаза встречаются, она вздрагивает. Затем опять широко улыбается фальшивой улыбкой.

– Мин! И Ноа! Выйдите оба вперед, пожалуйста.

Я медленно встаю. Подхожу к учительскому столу. Слышу, как Ноа идет следом за мной. Если бы доктор Харрис не улыбался так ободряюще, не уверена, что смогла бы сделать это.

Доктор Харрис приседает перед нами. Я чувствую, как у Ноа, стоящего совсем рядом, дрожат ноги.

– Здравствуй еще раз, Мин. Ноа, я – доктор Харрис. Для вас у меня есть кое-что особенное. Мы отправляемся в путешествие!

Его глаза мерцают в свете флуоресцентных ламп.

– Ну, разве не здорово?

10

Я проснулась вся в поту и тяжело дыша.

Плечо – прямо под старым шрамиком от инъекции – свело судорогой. Я потерла его, стараясь собраться с мыслями. Казалось, лицо доктора отпечаталось на сетчатке.

Я, не глядя, нащупала будильник и повернула к себе.

Шесть утра. Но я сразу поняла, что больше не усну.

Я села на кровати, вглядываясь в темноту. Детское воспоминание было похоже на старую открывшуюся рану. *Доктор Харрис. Я успела забыть его фамилию. Харрис*.

Я много лет не вспоминала о том дне. Нас с Ноа посадили в фургон, заперли двери и повезли куда-то – судя по всему, мы отъехали довольно далеко от школы. Но моста мы не переезжали – даже в шесть лет я узнала бы специфический стук, издаваемый автомобильными колесами на его швах.

Значит, мы ехали в другую сторону – к лесу на востоке.

Я сосредоточилась.

Нас везли именно туда, куда ночью направился военный конвой. Наверное, из-за этого воспоминание и вернулось?

Но я мало что смогла вспомнить о том дне. Доктор Харрис ввел нас внутрь незнакомого здания. Там нас с Ноа разделили. Освещение было очень ярким. Вокруг было много военных и людей в белых халатах. Некоторые из них с любопытством меня разглядывали. Харрис завел меня в комнату, оборудованную примерно так же, как палатка в школьном спортзале. Дверь за нами закрылась и… и…

Больше ничего.

Что было дальше, я не помнила. А очнулась уже дома.

Мама выслушала мой рассказ, держа меня за руку и поглаживая по волосам. Потом она дала мне вишневое мороженое, схватила телефон и почти сразу закричала в трубку. Я слышала, как она выкрикивала имя «Энди» – так некоторые взрослые зовут директора Майерса. Потом она нажала отбой и несколько минут сидела неподвижно, сжав голову руками. После этого вставила в видеоплеер один из моих дисков, велела никуда не уходить, а сама выскочила из трейлера.

Я отбросила одеяло и замерла во тьме, как изваяние. Подробности тех событий проносились в мозгу с такой скоростью, что он не успевал их обрабатывать.

Почему же мне раньше никогда не приходило в голову обдумать то, что тогда случилось? Куда меня увозили? Зачем? И кто?

Мамы не было дома часа два, а когда она вернулась, то ничего не объяснила. Зато дала мне *второе* мороженое за день, чего никогда не случалось. Она крепко обняла меня и сказала, чтобы я не беспокоилась о том, что случилось. И что об этом не стоит никому рассказывать. А то другие дети могут не так понять, и еще, чего доброго, станут дразнить меня. Так что всю эту историю следует держать в секрете.

Я была шестилетним ребенком, которому дали второе за день вишневое мороженое. И я просто послушалась маму.

Но теперь-то мне уже не шесть лет. Мне шестнадцать, и меня преследует серийный убийца, и ничего из того, что говорила и что сделала тогда мама, не имеет значения.

Об утечке вредных веществ мы больше никогда не слышали. Но с тех пор каждый год у нас в школе брали кровь на анализ. Возможно, ее проверяли на тот самый патоген. Это делали всегда сотрудники одной и той же компании, но результаты ни разу не были обнародованы. Насколько мне было известно, на территорию «федеральных владений» никого, кроме нас с Ноа, больше не возили. То есть, конечно, другим тоже могли велеть держать язык за зубами, но городок-то у нас маленький. Что-нибудь где-нибудь да всплыло бы, и я бы об этом знала.

Но как же Ноа? С Ноа мы тоже никогда об *этом* не говорили. Как же могло так выйти?

Да ведь мы с ним вообще не разговариваем.

А мама? Что они ей сказали? Почему она ни разу за столько лет даже не упомянула о том дне?

Тень подозрения затуманила разум.

Маме известно нечто такое, что она скрывает от меня. Многие годы я смутно чувствовала это. И та же история с Лоуэллом. И еще, вероятно, с директором Майерсом. Когда же, с чего все началось? Да и случилась ли тогда *действительно* утечка химикатов?

Тело замерло в темноте, а мозг продолжал свою лихорадочную работу.

Каждые два года неизвестный маньяк выслеживает и убивает меня, после чего я благополучно воскресаю.

Окружающие меня взрослые что-то явно скрывают.

Между этими фактами должна быть связь. Не сошла же я и в самом деле с ума, черт меня побери?

Я ждала Гвоздя у ворот парковки, выдыхая в бодрящий утренний воздух густые клубы влажного пара.

Он появился вовремя, хотя и поминутно зевал. Голливудского качества иссиня-черный фонарь прекрасно оттенял фиолетовые пятна на челюсти. Я хотела было спросить, что ему рассказал отец, но вовремя сообразила, что вопрос лишний. Уэнделл, безусловно, еще спал.

Тут я и сама широко зевнула. Уснуть после всех моих поразительных догадок мне так и не удалось. Так что я натянула старый свитер и потертые джинсы и тихо прокралась в гостиную – посмотреть по Си-эн-эн, как мир встречает похмельное утро после ночного праздника.

Твиттер уже ожил и был полон безумных хэштегов, вроде #даримсебеещеодиншанс и #мечтысбываются – в общем, обычным трескуче-переливчатым дерьмом, каким обычно исходят люди после того, как натерпятся страху, а потом опасность минует. Через неделю все они уже позабудут и о страхе, и о восторге.

– Эх, теперь поживем – по крайней мере, до тех пор, пока нас не придушит Итан! – бодро сострил Гвоздь, не замедляя шага. На нем были шорты карго и красная футболка с надписью «Мачете убивает»[20] поверх термобелья с длинными рукавами. Так одеваясь, он никогда не простужался. Я пристроилась рядом, и мы с Гвоздем пошли вверх по тропе.

– Не лучшая была идея.

– Расслабься, – посоветовал Гвоздь, хотя, похоже, ему не удавалось следовать собственному совету. – Он не докажет, что это наших рук дело. Да и кто вообще поверит, что мы на такое способны? Даже *я* не верю.

Мы добрались до асфальтированной дороги и начали спускаться. В сердце долины все так же переливалось голубизной озеро, равнодушное к заботам человечества.

– В новостях сказали, что ночью выгорела половина Рино[21], – проворчала я. – Совсем у народа крыша поехала.

– Это точно. – Гвоздь кивнул на столб дыма над старой бумажной фабрикой. Мигалки указывали на то, что пожарные уже на месте. – Всякие идиоты вчера просто *пошли вразнос*, удивительно, как живы-то остались. – Он бросил на меня многозначительный взгляд. – Представляешь, кто-то поджег новенький блестящий джип на школьной парковке!

Я поджала губы.

– В самом деле? Как интересно.

Правда, тут нас подводила хронология: дымящиеся останки «ранглера» были обнаружены *до* того, как было сделано Объявление, но ведь «война все спишет». Потом же было совершено еще множество, как говорится, *актов вандализма*. Практически нет шансов, что полиция Файр-Лейк, состоящая из восьмерых измученных сотрудников, сумеет расследовать каждый инцидент. Так что, если нам повезет, мой приступ безумия останется погребенным под горами щебня и пепла вместе со всем остальным уничтоженным от радости имуществом.

Но когда мне хоть в чем-то везло?

Добравшись без приключений до городка, мы наткнулись на факты, подтверждавшие наши предположения. Окна во всем квартале были разбиты. Кто-то стащил из Буфордовского магазина скобяных товаров все, что лежало на полках. Заместитель начальника полиции пронзительно орал что-то в рацию, стоя над жирным полуголым телом какого-то мужика, храпевшего, как трактор, в сточной канаве. Ночка явно выдалась лихая.

Мы вошли на школьную парковку. Я изо всех сил сталась не пялиться на место преступления, но голова так и поворачивалась в ту сторону помимо моей воли. Джой Олкорн, городской ответственный за вывоз мусора, как раз укреплял покореженные останки джипа Итана на своей аварийной грузовой платформе. Он помахал нам грязной рукой, мы ответили ему

---

[20] «Мачете убивает» (*Machete Kills)* – трэш-боевик режиссера Роберта Родригеса, 2013 г.

[21] Рино (*англ. Reno)* – город на западе штата Невада.

тем же, не сумев, наверное, скрыть виноватого вида. «Ранглер» превратился в едко пахнущий фантасмагорический скелет из расплавленного стекловолокна и почерневшего металла.

– Привет, братишка, – выдохнул Гвоздь.

– Угу.

Джой запрыгнул в кабину своего грузовичка и был таков. Остался только темный след шины на асфальте. Меня передернуло. *Если кто-нибудь когда-нибудь узнает…*

– Ты только послушай! – завопил вдруг Гвоздь и подтолкнул меня к пешеходной дорожке между рядами. Откуда-то со стороны внутреннего двора загремела музыка. – Кто это тут устроил танцевальную вечеринку без меня?

Все, имевшие хоть какое-то отношение к школе, высыпали наружу и обнимались, и «давали друг другу пять», и радостно махали поднятыми вверх руками, раскачиваясь в общем ритме. Младшеклассники и ученики средней ступени до краев заполнили наше патио с низкими стенами (неофициально допуск сюда малышей не одобрялся). Старшие окружили флагшток, вокруг которого обычно проходили утренние линейки. Песня «Зачем убавлять звук?»[22] грохотала из динамика, прислоненного к рюкзаку близнецов Ноланов. У директора Майерса от такого инфаркт случится, точно.

– Вот такие молитвенные собрания мне по душе, – заметил Гвоздь. – Хорошо бы теперь всегда так было.

Мы почти никогда не присоединялись к показушным мероприятиям, происходившим перед началом занятий. Большая часть тех, кто на них ходил, выстаивали своеобразную молитвенную минуту молчания с сонным видом и следили только за тем, сколько еще одноклассников собралось вокруг, чтобы засвидетельствовать их благочестие. Подозреваю, что мало кто испытывал в это время религиозные чувства, хотя Гектор Кино старался изо всех сил поддерживать общее настроение на максимально торжественном уровне.

Но сегодня все было иначе. Как будто все напились энергетиков. Все неистово обнимались, дружески улыбались и тут же безумно хохотали. Мальчишки бегали за девчонками, а те жеманно пищали, прежде чем позволяли себя поймать. О занятиях все словно забыли.

Деррик Моррис, длинный, как небоскреб, один из четверых черных в нашем классе (да-да, мы ведем такие подсчеты – добро пожаловать на север Айдахо), несмотря на холод, сорвал с себя рубашку. Он раскачивался взад-вперед и буквально выл: «Я живо-о-о-й!», подняв к небу средние пальцы обеих рук. Тоби подкрался сзади и приподнял его вверх. Потом оба принялись хохотать и прыгать, распевая что-то неразборчивое, но, несомненно, идиотское. Когда они, наконец, отлипли друг от друга, я заметила, как Тоби украдкой отхлебнул из фляжки, спрятанной в кармане куртки.

– Давай зайдем внутрь, – решительно заявила я, уже повернувшись в направлении главного здания, – чего нам сейчас не хватает, так это…

– Эй! Эй!

Поздно. На нас паровым катком надвигался Итан, а за ним – примерно половина нашего класса. Всюду мелькали предвкушающие взгляды, слышались шепотки. Во рту стало горько.

Гвоздь придвинулся ко мне вплотную.

– Не дрейфь. Я скажу, что мы…

Ни слова, Гвоздь, просто молчи.

Я сделала шаг вперед, прикрывая его. Мысли в голове вертелись каруселью.

Итан остановился примерно в полутора метрах от того места, где стояла я, испепеляя Гвоздя взглядом. Тот отвечал на этот вызов таким же дерзким взглядом, хотя я чувствовала,

[22] Turn Down for What – песня диджея Снейка 2013 г.

что руки его дрожат. Лицо Итана пылало. Глаза посверкивали каким-то стеклянным блеском, и мне это не понравилось. Похоже, он глотнул кое-чего у Тоби.

– Это ты спалил мой «ранглер», да? – спросил Итан тихо, почти равнодушно, тыча пальцем Гвоздю в грудь. – Ты, конечно. Я точно знаю.

– О, так это был твой *джип*? – Гвоздь – сама невинность. – А я думал, это отец Спенсера устроил очередной пикничок.

В толпе одноклассников послышались сдавленные смешки. Отец Спенсера Коулмана владел ресторанчиком «Дом свиных шашлычков», и на каждую игру «Бойсе Стейт»[23] привозил целые грузовики съестного. О его гигантском, в полтонны, гриле под открытым небом ходили легенды. Это было чудовище на колесах, заплывшее блестящей черной сажей от сотен и сотен часов использования по назначению.

Итан натужно улыбнулся.

– Шуточка, значит! Такая же, как вся твоя жизнь. Только не такая грустная.

Снова фырканье и сдавленный смех среди зрителей. Второй раунд перепалки им явно понравился. Мой взгляд успел выхватить из их рядов Криса Нолана, что-то шептавшего на ухо Саре и Джессике. Его брат Майк слушал молча и сосредоточенно. Сразу за ними горбился, стараясь не обращать на себя внимания, Ноа. Взглянув искоса на нашу компанию, он снова погрузился в свой телефон.

Я почувствовала отвращение. И почему я в последнее время так часто думала о Ноа? Он просто никчемный слабак.

– Красавчик, – подал голос Тоби, почесывая щеку на том месте, где у Гвоздя еще не зажила целая россыпь синяков.

– Да уж симпатичнее тебя, – не замедлил с ответом Гвоздь. Тоби рассмеялся.

– Я успел проездить на этом джипе всего две недели, – все так же бесстрастно констатировал Итан, но краска уже заливала его шею. – *Две. Недели*. Кроме того, там лежали мои клюшки для гольфа. – Тут он переместил указательный палец чуть вправо, чтобы включить меня в число обвиняемых. – Вы, ребятки, все это уничтожили. Я точно знаю. Никто другой бы не осмелился.

Надо косить под дурака. Только так можно выкрутиться…

– Ты хочешь сказать, что кто-то спалил твой «ранглер»?! – притворно изумилась я.

– Да, и вам это прекрасно известно.

Я сложила руки на груди.

– Но зачем нам жечь твою машину, Итан? Да и как бы нам это удалось?

– Как – я не знаю. Более того, мне на это наплевать. А вот на вопрос *зачем* ответить куда проще. Я надрал задницу Кнопке, и он, бедняжка, не смог этого пережить.

Я старалась говорить спокойно, но голос, похоже, все равно звучал немного нервно.

– Не смеши народ. Ни я, ни Гвоздь не взрывали твоего джипа на школьной парковке среди бела дня, да и не смогли бы этого сделать. Потому что это бред. *Безумие*. Мы, знаешь ли, не морские пехотинцы. – Я *сглотнула*. Вдохновение так и распирало меня. – Вчера в каньоне настоящий фейерверк был. Все сметал на своем пути. Может, в твой джип угодила шальная пуля. И скорее всего, ее привлекла эта дурацкая пирамида для винтовок, которую ты сам же и пристроил, как будто специально, чтобы молнии ловить.

Последняя фраза, кажется, удалась. Попала в точку. Сработала. Публика оживленно закивала. Даже во взгляде Итана промелькнула искра сомнения.

– Говорил я тебе, у них пороху не хватило бы, – пробормотал Крис, обращаясь к брату. Тот пожал плечами.

---

[23] Команда по американскому футболу при университете города Бойсе, столицы штата Айдахо.

– Да и кто-нибудь обязательно заметил бы, – согласился Тоби и икнул. – И вообще, у Гвоздя для такого кишка тонка.

Я легонько наступила Гвоздю на ногу, чтобы не вздумал возражать. Итан по-прежнему молча смотрел на нас.

Я открыто встретилась с ним глазами, надеясь, что ему не удастся прочесть в них правды.

Наконец Итан ухмыльнулся без всякой, впрочем, теплоты.

– Если когда-нибудь я узнаю, что вы имеете к этому хоть какое-то… – тут, не желая просто так отпускать нас, он решил сменить тему: – Ну, а раз так, чего ж вы не радуетесь? Болтаетесь тут, мрачные, как эмо. Жалеете, что Молот нас всех не угрохал?

– Я от души надеялся, что угрохают тебя, – с каменным лицом ответил Гвоздь. – Такое объяснение тебя устраивает?

Итан снова напрягся, но тут его взгляд стрельнул влево – туда, откуда во внутренний двор ковылял директор Майерс.

– Еще продолжим, – пообещал он, рывком поднял с травы у флагштока свой рюкзак и поспешил по направлению к корпусу «В». Толпа тут же рассосалась.

Майерс выглядел так, словно он всю ночь не спал. Если он и был счастлив от того, что роду человеческому не довелось погибнуть в языках адского пламени, по его виду этого нельзя было сказать.

– Марш в классы! – приказал он, сильнее, чем обычно, опираясь на трость.

Тут как раз прозвенел звонок, и мы заторопились. Майерс тоже повернулся и захромал к дверям школы.

– Но сначала зайдите ко мне, я попрошу выписать вам пропуска.

В приемной миссис Фергюсон раскладывала пропуска на специальной стойке. Ее черные с проседью волосы были уложены в тугой пучок. Майерс жестом указал нам на пластиковые стулья.

– Делия, пожалуйста, выпишите этим двоим пропуска. На сей раз без штрафных санкций.

– Да, мистер Майерс, сэр. Будете кофе?

Директор натянуто улыбнулся, протискиваясь мимо нее.

– Да, принесите весь кофейник, пожалуйста. Через десять минут.

– Сварю свежий.

Майерс прошел в свой кабинет, а она повернулась к нам.

– Мин и Гвоздь, Гвоздь и Мин, как всегда вместе, два сапога пара. Что вы натворили на сей раз?

– Мы победили рак, – заявил Гвоздь. – И нам полагается премия. Названная в вашу честь.

Миссис Фергюсон довольно усмехнулась.

– Кто бы сомневался.

И тут же ее голос посуровел.

– Вам, надеюсь, ничего не известно о теракте, произошедшем вчера здесь, на нашей парковке, мистер Руссо?

Брови Гвоздя поползли вверх:

– В это время я был в опере, миледи.

Я прикрыла глаза, а миссис Фергюсон фыркнула.

– Наглости вам не занимать – язык хорошо подвешен, – сказала она. – Вам придется подождать тут, пока я сварю кофе. Старик в последнее время сам не свой, только что на людей не кидается.

И цокнув языком, она удалилась в комнату отдыха.

– Думаешь, купилась? – прошептал Гвоздь.

Я закатила глаза, встала со стула и принялась ходить по приемной. В такой близости от директорского кабинета мне невольно вспомнились ночные видения. Вот Майерс в компании

шерифа Уотсона и двух незнакомцев в костюмах сосредоточенно изучает какие-то документы в помещении начальной школы. Майерс строго приказывает миссис Томпсон отпустить нас с Ноа в «тайные владения» доктора.

Что он сказал в тот день моей матери? Могу ли я ему доверять *теперь*?

Связан ли он как-то с тем, что происходит со мною каждый второй день рождения?..

Кабинет Майерса располагался в двух шагах от стойки администратора. Подчиняясь какому-то непреодолимому импульсу, я толкнула двустворчатую дверь. И услышала, как миссис Фергюсон напевает, занимаясь фильтрами для кофе в комнате отдыха.

Гвоздь смотрел на меня с любопытством. На его лице застыло вопросительное выражение.

Я скользнула за угол и заглянула в директорский кабинет.

Дыхание перехватило. Майерс опирался, полулежа, на стол, плечи дрожали. Было ясно, что он плачет.

Я отступила назад, ничего на свете не желая сильнее, чем выйти из этой неловкой ситуации.

Но под ногой скрипнула половица.

Майерс поднял голову. И уставился на меня заплаканными глазами.

На несколько секунд мы застыли, глядя друг на друга. Вдруг зазвонил стационарный телефон, и директор потянулся к трубке так, словно с нетерпением ждал этого звонка.

– Майерс! Да, черт побери, я на месте. Соединяйте!

Когда директор снова взглянул на меня, мне показалось, что он успел забыть о моем присутствии. Проворчав что-то, он протянул руку и захлопнул дверь.

Я вернулась в приемную. Гвоздь снова посмотрел на меня вопросительно, но я отмахнулась, и едва успела плюхнуться на стул, как вернулась миссис Фергюсон. Она принялась выписывать нам пропуска, а я лихорадочно обдумывала случившееся.

Майерс не задержал меня. Отпустит ли он меня, видевшую его в таком состоянии, без объяснений?

Где-то открылась дверь. Сжавшись, я приготовилась к тому, что сейчас с меня сдерут шкуру, но вместо этого услышала, как та, первая дверь опять захлопнулась и тут же открылась другая. На стойке в приемной стоял служебный телефон. Некоторое время на нем мигала лампочка «Линия I», затем мигать перестала, но осталась гореть. Видимо, Майерс задержал один звонок в режиме ожидания, а сам взял трубку где-то в другом месте.

Но где? В конференц-зале? Это казалось единственным разумным предположением.

Я инстинктивно чувствовала опасность. Весь мир вчера, возможно, и был спасен, но директору Майерсу этого было мало. Что же его так мучает? *С кем он говорит по телефону?!*

– Ни шагу назад, ясно? Пропуска действительны в течение всего пяти минут.

Мы синхронно кивнули. Но выйдя в коридор, я, вместо того, чтобы идти направо, сразу повернула налево, и пробежала вдоль стены ярдов двадцать.

– Мин! Какого…

Я нетерпеливым жестом призвала его к молчанию, а сама внимательно уставилась на очередную дверь. Вела она в конференц-зал.

Окинув взглядом коридор, я приложила ухо к двери.

Гвоздь нервно тер подбородок.

– Ясно. Совсем спятила.

– Ш-ш!

Я слышала голос Майерса, но слов было не разобрать. Послушав так несколько секунд, я сменила тактику – легла на живот, распласталась на полу и, едва не сворачивая ухо в трубочку, приставила его к зазору между дверью и полом. Голос директора звучал отчетливей:

– Все случится очень скоро, – отрывисто говорил Майерс. – Вопрос нескольких дней. Здесь у нас все закончено, говорить больше не о чем. – Наступила короткая пауза, и директор снова заговорил, видимо, перебив своего собеседника. – Нет. Я не стану этого делать. Теперь уже пан или пропал, никуда не денешься. Вот и все, и ничего больше.

Волоски на моих руках поднялись. О чем это они?!

Еще одна пауза, более длинная. И когда Майерс снова заговорил, его голос звучал твердо и даже угрожающе.

– В таком случае позвольте *и мне* выразиться четко и ясно, генерал. Никто из «Немезиды» на территорию школы допущен не будет. Уотсон поддержит меня в этом. Проект, собственно, почти завершен. Бросить нельзя, все уже приведено в движение. Не выводите меня из себя перед самым концом операции.

И тут другой голос загрохотал надо мной:

– Что вы здесь делаете?!

Я вскочила. К нам направлялась миссис Гарсия с кипой экзаменационных листов в руках.

– Мин Уайлдер! Зачем вы легли на пол?

Гвоздь тоже удостоился ее недовольного взгляда, в ответ на который по-дурацки помахал рукой.

– Извините! – Я поскорее нацепила на спину рюкзак, чуть не грохнувшись снова. – Я уронила подвеску.

– Ну и?

Я шумно сглотнула.

– Что – ну и?

– Нашли ее? – Она говорила со мной, словно с ребенком.

Кивнув как китайский болванчик, я схватила Гвоздя под руку и буквально потащила по коридору.

– О да! Да! Нашла, спасибо! *Gracias!* То есть, я хотела сказать: извините. За всю эту суету. *Lo siento. Adios!*[24]

Добравшись до своего класса, мы тихонько пробрались внутрь.

– Что ты *там* делала? – настойчиво спросил Гвоздь, но урок уже начался. Мы вытащили пропуска и помахали ими, но мистер Хейлз просто сделал знак рукой: занимайте, мол, свои места. Выглядел учитель ужасно: на месте лица – небритая маска с красными, как у кролика, глазами. Впрочем, это не мешало ему фонтанировать речами о лорде Альфреде Теннисоне и о восторге, который охватывает каждого человека, спасшегося от смерти.

Я ни на что не обращала внимания. Нетерпеливые взгляды Гвоздя тоже игнорировала. Мысли так и роились.

Немезида.

Снова это слово. После стольких лет.

Инъекции. Анализы. Пробы крови. Поездка в лес.

Никакой утечки пестицидов не было. Ничего похожего.

Но все равно происходит нечто очень серьезное. Настолько серьезное, что даже Молот не смог с этим сравниться.

Майерс сказал, что проект осуществляется прямо сейчас. Здесь. В Файр-Лейк.

И мы в центре событий.

11

У меня есть план.

[24] Спасибо… Мне жаль. Прощайте! (*исп.*)

Я сижу, согнувшись в три погибели, на южном берегу озера – прячусь за одной из хозяйственных построек летнего лагеря. Естественно, о смерти я сегодня думаю с самого момента пробуждения.

С четырнадцатилетием меня.

Все утро я провела, ни на шаг не отходя от мамы. Более того, я заставила ее проводить меня до автобуса, там села рядом с Гвоздем и тайком держала его за руку до самой школы. Зачем я это делала, он не понял, но и вырываться не стал. Три урока спустя я тихонько выскользнула через заднюю дверь.

И вот передо мной летний лагерь Библейского Содружества «На краю звездного неба». Старый, видавший виды учебный объект до следующего месяца закрыт. Раньше я никогда здесь не бывала, но в этом-то все и дело. Не бывала – значит, человеку в черном костюме не придет в голову искать меня здесь.

А если не найдет, то, стало быть, и не убьет. И я даже еще успею на вечеринку.

Я уже устала ломать себе голову, зачем им это понадобилось, но Сара и Джессика настояли на том, чтобы торжества по случаю дня рождения Ноа распространились и на меня. Именинный пирог. Боулинг. Они даже арендовали какое-то помещение для танцев. На праздник собирается весь наш класс, и, как ни странно, – наполовину в мою честь. Во всяком случае, на приглашениях черным по белому значится «Мин Уайлдер». Просто чудо какое-то.

Так вот, я побуду здесь до наступления темноты, а потом помчусь прямо в клуб «Семь-Десять». Этот план сработает. Должен *сработать.*

Шорох листвы за спиной. Я резко разворачиваюсь назад, все тело напряжено. Из-за деревьев показывается косуля, настороженно смотрит на меня. Затем начинает щипать клевер на лесной опушке.

Прикрываю глаза. Вздыхаю. Начинаю волноваться, что просчиталась, перемудрила. Я ведь могла пойти в закусочную Дейла или в библиотеку. И там, и там всегда полно народу. В публичном месте человека не прикончишь.

Да, но в конце концов, мне все равно пришлось бы оттуда уходить. Меня могла бы разыскать и утащить домой мама. Или Гвоздь. Или директору Майерсу пришла бы в голову мысль устроить облаву на прогульщиков. Нет, наш городок слишком мал, тут не выйдет «затеряться в толпе».

Так, как я придумала, лучше. Никто не знает, где я.

Шум мотора. Шорох шин по гравию. Выглядываю из-за угла своего убежища. Забрызганный грязью внедорожник, выбрасывая из-под колес клубы пыли, едет вдоль озера, подпрыгивая на ухабах.

Внезапно он замедляет ход. Останавливается. Стекла тонированные, так что внутри ничего не видно. Несколько минут мотор продолжает работать на холостом ходу метрах в пяти от моего убежища.

Затем водительская дверь открывается. Из машины выходит человек в черном костюме.

Развернуться и бежать. Бежать!

Через мгновение я уже в лесу и, цепляясь ногтями за выступы, карабкаюсь на гору, словно зверек. План провалился, и запасного нет. Нервы пульсируют и искрят, как порванные электропровода. В мозгу бьется один-единственный вопрос.

Как?!

Как он нашел меня здесь, в никому не известной глухомани?

Тропинки поблизости нет. Домов – тоже. Я и выбрала это место у заброшенного лагеря из-за того, что оно такое уединенное. Но, видимо, именно в этом и заключается ошибка.

Я продираюсь через колючие кедры. Останавливаюсь, чтобы прислушаться.

Недалеко внизу шуршит галька.

Я тяжело переваливаюсь через попавшийся по дороге валун, отбросив всякую осторожность. Эта часть нашего нагорья открыта всем ветрам и хорошо просматривается, а почва под ногами неровная и вся растрескалась. Галька осыпается из-под ног, предательски выдавая мое местоположение.

Не могу успокоиться, взять себя в руки. Думать тоже не могу. Как же не хочется снова умирать!

А склон становится все круче. Внутренний голос предупреждает: так не спастись, это тупик. Скоро я доберусь до вершины – до узкого гранитного кряжа с прекрасным видом на овраг и, наоборот, из него. Оттуда некуда бежать.

Внутренний голос наконец побеждает. Я останавливаюсь, отчаянно хватая ртом воздух.

Спрятаться. Надеюсь, эта местность ему незнакома. А потом проскользнуть мимо него – снова вниз, к озеру. Его машина осталась там…

Я стремительно сканирую взглядом окрестности.

Вот оно! В десяти метрах надо мной – скальный выступ. Если я на него заберусь, ублюдок меня не достанет. Если попробует, я смогу садануть его ногой по голове.

Начинаю подъем, пытаясь припомнить все, что мне известно о скалолазании.

Дотянуться. Закрепиться. Сместиться в сторону. Собраться с силами. Дотянуться выше. Теперь ногами. И только тогда выдохнуть воздух…

Первые три метра даются легко. А вот с последним участком будет сложнее – слишком крутой подъем. Я цепляюсь пальцами за небольшую складку горной породы, и тут мне в лицо летят крупные острые камни.

Я кричу и едва не разжимаю пальцы. Голова инстинктивно поворачивается.

Черный человек стоит прямо подо мной, в руке у него булыжник размером с большой кулак. Костюм порван, дыхание сбито, но темные очки – на месте. В ужасе я наблюдаю, как он то откатывается назад, то с каждым новым усилием продвигается вверх.

Камень с силой ударяет меня в спину. Нога соскальзывает с опоры. Вторая тоже. Я отчаянно чертыхаюсь, руки с удвоенной силой цепляются за выступ, мышцы натягиваются до предела.

Следующий камень ломает мне руку, я падаю, бездумно шаря руками в поисках новой опоры, но ударяюсь об острые выступы ниже по склону. Приземляюсь на спину и слышу хруст костей.

Больно, очень больно, потом… Ничего. Бесчувствие. Отсутствие… всего.

Я стараюсь подняться, но не чувствую ни одной ноги, ни другой.

На лицо падает черная тень.

Меня ведет, и я даже не пытаюсь отползти. Я просто смотрю на убийцу.

– Зачем ты это делаешь?

Нет ответа.

– Кто ты?

Сознание угасает, обрывки мыслей пробиваются сквозь подступающую тьму.

Время замирает. Где-то вдали слышится клекот орла. Ветерок треплет мои пропитанные потом волосы – последнее приятное ощущение в жизни.

– Ненавижу тебя, – шепчу я.

Человек исчезает из поля моего зрения. Потом возвращается с огромным камнем.

– Извини.

Солнечный свет отражается в линзах его очков.

Он опускает руку. Все погружается во тьму.

Темнота. Потом становится светлее. Снова придется возвращаться домой в слезах.

В кармане что-то жужжит, и я вскрикиваю от неожиданности. Как глупо. Это же мой новый мобильный.

Черт, неужели?.. Как больно.

– О, нет, нет, нет!

Но сообщение от Джессики неумолимо.

«Мы включили тебя в юбиляры, а ты даже не явилась! Забудь обо мне. Сара присоединяется».

Качаю головой. На сообщение не отвечаю. Смысла нет. Девчонки в кои-то веки пригласили меня, а я их продинамила. Они со мной никогда больше даже не заговорят. А Ноа? Что он подумает?

Мама сидит в шезлонге у трейлера, поджидая меня. Вяжет. Выглядит так, будто это у нее сегодня день рождения, и ей исполнилась тысяча лет.

Я подхожу и слышу вздох облегчения.

Стою, уставившись на свои ботинки, слишком измученная, чтобы что-то выдумывать.

Мама пристально смотрит на меня. Молча встает и ковыляет к двери трейлера. Открыв ее, жестом приглашает меня войти.

Протискиваюсь мимо нее. Иду сразу к себе в свою комнату. И запираю дверь на ключ.

Она не спрашивает, где я была.

А я не рассказываю.

12

Ощущение падения.

Ударяюсь лицом о парту.

И тут же голова возвращается в вертикальное положение. Одноклассники едва сдержали хохот, но, к счастью, мистер Андерсон ничего не заметил. Щеки вспыхнули, но я опускаю голову и возвращаюсь к своим мыслям.

В четвертый раз меня убили два года назад. Самое неприятное воспоминание в жизни. Я поерзала на стуле, чтобы как-то разогнать тяжелый ужас от того булыжника, который послал меня в очередное небытие.

После этого в школе у меня все окончательно пошло наперекосяк. Я и раньше не пользовалась популярностью, а после неявки на вечеринку с боулингом, в свою же честь, была объявлена совсем отмороженной. Девчонки даже распустили грязные слухи о моих прежних *исчезновениях*, еще в детстве.

В общем, стала я официальной чудачкой, девочкой с придурью. Фриком, у которого с головой не все в порядке. Полоумной истеричкой.

Я не пыталась с этим бороться.

Звонок. Одноклассники принялись собирать свои вещи.

Я не трогалась с места. Даже когда Гвоздь потянул меня за руку, продолжала сидеть.

– Мин! – Он присел так, что его покрытое синяками лицо оказалось на одном уровне с моим. – Ты в порядке?

Я вдруг с жаром заговорила, буквально накинулась на него:

– Ты готов сегодня со мной пойти на дело? На очень важное, опасное и глупое дело, после которого мы, вполне вероятно, окажемся в полной жопе?

Он вскинул бровь и перешел на драматический шепот:

– Мы собираемся кого-то похитить? Мистера Андерсона? Мне прижечь подушечки пальцев, чтобы не оставить отпечатков?

Я ладонью оттолкнула его лоб и резко встала.

– Гвоздь, я серьезно. Мне нужно кое-что проверить, но сделать это можно только взломав дверь и незаконно проникнув в помещение. Сегодня ночью. Как можно позже.

Гвоздь поднял и другую бровь, за компанию. Он сложил руки на груди и смотрел на меня со все возрастающим любопытством.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.